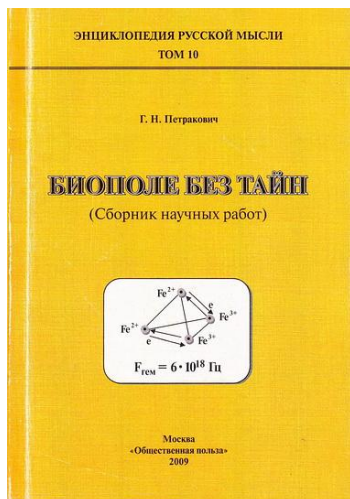

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ МЫСЛИ

ТОМ 18

Георгий Петракович

МОЯ СУДЬБА –
ЧЕЛОВЕКА, ХИРУРГА,
ПИСАТЕЛЯ, УЧЁНОГО

Москва
«Общественная польза»
2012

Глава 1-я: война и кусок хлеба

Я родился 28 апреля 1932 года.

Но *«Петраковичем Георгием Николаевичем»* я стал гораздо позднее. А тогда на меня, новорождённого, выдали метрики *«Калугин Виталий Витальевич»* с теми же датами рождения, но это было даже по тем временам незаконно, потому что моя мама Кудинова Мария Васильевна, которую я любил безмерно, «прижила» меня от Калугина Виталия Степановича – мужа своей родной сестры Татьяны Васильевны Кудиновой.

Я с ним в жизни ни разу не встречался, хотя он жил долго – до 1982 года, писал мне и приезжал специально для встречи в Москву.

Я не признал его как родного отца, как он не признал во мне в 1942 году родного сына, когда я волею судьбы оказался в городе своего рождения – в Самарканде. Он сказал тогда моей тёте и своей бывшей жене Татьяне Васильевне, что у него «нет и никогда не было родного сына».

Я пишу это не в осуждение моей дорогой мамы – не нам разбираться в этих давних делах родителей, тем более что и Мария Васильевна, и Татьяна Васильевна были до самой смерти очень дружны между собой, а мне было 10 лет, когда родной отец отказался от меня, но я запомнил это на всю жизнь.

Лида, дочь Татьяны Васильевны и Виталия Степановича, даже будучи малолеткой (она старше меня всего-то на шесть лет) была моей первой и единственной нянькой.

Правда, по её неосознанному малолетству она меня, двухлетку, посадила качаться на самодельные качели, с которых я низвергся на камни и получил рану головы, которую хирургам потом пришлось зашивать. Этот рубец на лбу у меня до сих пор прощупывается.

Ещё она в том же возрасте уложила меня в тёплую воду в тазу, а сам таз поставила для подогрева на печку, и когда я при этом начал орать, даже удивилась: вода-то была чуть тёплой.

И только пощупав дно таза, которое от печки стало горячим, она сообразила, что чуть не сварила своего родного-двоюродного брата.

Я себя помню уже с двух лет, доказательством чему было одно такое смешное событие.

Я помню, что всё последующее, которое я собираюсь описать, происходило не в помещении, а на земле, скорее всего во дворе дома. Я стоял неподалёку и видел знакомую мне большую кастрюлю, из которой торчал провод, отчего в кастрюле нагревалась вода. Я этот нагрев воды видел и раньше.

Но, когда вода закипела, в этот раз из этой самой кастрюли вдруг со зловещим шипением и со взрывами начало что-то выпрыгивать и шлёпаться на землю. Я тогда очень испугался.

Поделился я этими детскими воспоминаниями много лет спустя с Лидой, приехавшей погостить к нам в Москву из Ворошиловграда. Лида, рассмеявшись, тоже вспомнила эту историю. Она удивилась такой ранней моей детской памяти и рассказала подробности.

Оказалось, что мой отец (Николай Степанович) подарил женщинам Кудиновым и Калугиным, жившим в Самарканде в одном доме (что их так объединило, узнаем позже), сверкающий американский электрокипяtilьник в виде спирали, чтобы они имели горячую воду для чая, постирать, помыться и так далее.

И предупредил, что кипяtilьник предназначен только для кипячения или согревания воды, но не для варки и чего-то другого.

Но однажды её мама, а моя тётя Таня, решила всё-таки сварить мясной суп с помощью этого электрокипяtilьника в этой же кастрюле, и в первую очередь положила в воду куски мяса.

Но когда вода закипела, спираль стала контактировать с этим мясом, вот оно и начало выпрыгивать с брызгами и шипением из кастрюли на землю. Всё это происходило во дворе дома номер 35 по улице Некрасова.

И Лида сказала, что случилось это, когда мне действительно было два года.

Мама рассказывала мне, что говорить и ходить я начал одновременно, и случилось это, когда мне исполнился один год.

Она вспоминала, что тогда я сам поднялся с пола на ноги, показал пальчиком на электрическую лампочку, висевшую на потолке, сказал всем наблюдавшим за мной, что «воня фу» (свет), – и пошёл.

В 1935 году мать вышла замуж за Николая Степановича Петраковича, и я получил новое имя – «Георгин». «Георгин Николаевич».

Имя, конечно, нелепое, но в духе тех времён.

Отчима своего, по отцу – белоруса, а по матери, уроженки деревни Матюшино Пушкинского района Московской области, – русского, я глубоко уважал всю свою жизнь, до самой его смерти. Такой это был замечательный человек.

Я даже старшего своего сына в честь него назвал Николаем. Дед приучил внука к технике ещё с младенческих лет, и тот пошёл по этой «линии» – окончил Московский автодорожный институт (МАДИ), стал инженером. Младший, между прочим, тоже окончил МАДИ – уже с красным дипломом.

Николай Степанович был малограмотным – окончил всего два класса церковно–приходской школы в соседнем с Матюшино селе Ельдигино. Даже собственное имя он часто писал через «е» («Неколай»), но, всю жизнь работая шофёром, в автомобилях он разбирался как никто другой, – недаром, работая по специальности при Правительстве Таджикской ССР в Сталинобаде (ныне Душамбе), он возил на своём «паккарде» самых высокопоставленных лиц в Республике. А это был, между прочим, 1937 год!..

В 1937 году мама родила от Николая Степановича моего сводного брата, которого назвали Эдуардом. Эдуард Николаевич Петракович. Мы с ним до самого последнего времени были очень близки, но, уже в 70-летнем возрасте, узнав от меня, что мы только наполовину родные – то есть сводные – братья, он назвал меня за умолчание об этом предателем, хотя в нашей семье «обиженным» был скорее я, чем он. Не мог же я сообщить ему, что наша мать «нагуляла» меня с другим мужчиной!

Как врач, я отнёс эту гневную вспышку брата скорее к общему атеросклерозу, в том числе и к атеросклерозу головного мозга, которым он страдает (к сожалению, наследие от его отца), но здесь я, и как брат, и как врач, поделать ничего не могу. «Предатель», так «предатель» ... Терплю вот.

Помню, летом 1937 года мы всей семьёй уезжали из Сталинабада (Душамбе) в Курскую область. Было очень жарко, на переездах мы стояли подолгу (наверное, железнодорожный путь тогда был одноколейным), и я ходил к паровозу, где добрые машинисты открывали для меня специальный краник, чтобы я немного постоял под таким «душем».

Интересно, что пассажирские поезда (тот, во всяком случае, на котором мы ехали) в то время были уже радиофицированы, по радио предавали разные новости и даже выступали пассажиры. Однажды выступил и я с такими вот стихами:

*Посмотри по сторонам:
Это - наше, это - нам ...*

И ... запнулся, потому что начисто забыл стих. Но руководивший радиопередачей бодро сказал, что дальше Гера (меня все мои близкие и знакомые зовут Герой) забыл. Но мы его простим.

С того времени у меня сложился страх перед микрофоном. Даже до настоящего времени.

В Курской области мы жили в совхозе «Марьино», недалеко от прекрасного дворца князя Бярятинского, сохранившего, по рассказам современных очевидцев (рассказывала это женщина, которая приносит нам пенсию), свою красоту и по сию пору.

В этом дворце, как говаривал отец (я буду и дальше называть своего отчима отцом, потому что другого у меня не было), иногда отдыхало очень высокое начальство СССР.

При дворце было великолепное большое озеро с женскими и мужскими купальнями, с прогулочными лодками, а на противоположной от дворца стороне озера стояла коническая горка из горных камней с бронзовым орлом на вершине, у которого было подбито одно крыло. Это был памятник победе князя Бярятинского над гордым Шамилём.

Озеро было искусственного происхождения, потому что сверху его питала водой небольшая речка, а снизу подпирала высокая плотина.

К концу зимы, когда озеро покрывалось толстым слоем льда, этот лёд вырубали большими кусками и складывали огромными пирамидами на берегу, а сверху эти пирамиды покрывали толстым слоем сена и почему-то навозом.

Потом этот лёд развозили по большим и малым погребам – так решалась проблема с сохранением летом мясных продуктов, молока и овощей. Ведь и домашних, и производственных холодильников тогда ещё не было.

Иногда отец тайком на ночь забрасывал в это озеро кубарь (свёрнутую в рулон железную сетку с дном и воронкой), начинённый хлебом или тухлым мясом, а то и подбитой накануне вороной или галкой, которых в то время в «Марьино» была тьма тьмуца. Для их уничтожения многим добровольцам раздавались в то время малокалиберные ружья с патронами.

Дали такое ружьё и моей маме, и она была очень метким стрелком – я свидетель тому.

Так вот, с помощью отцовских кубарей мы ели вкусную рыбу (не помню, какого названия, кроме карасей и окуней) и ещё раков, тоже очень вкусных.

Меня при приезде в «Марьино» страшно удивил такой факт: мы переехали почти из одного конца страны в другой, и вдруг отец начал работать на том же самом «паккарде», на котором он работал и в Таджикистане: я эту машину узнал бы и среди сотен других. У него был тот же звучный сигнал, похожий на короткий рёв, и та же щербинка на руле, и многое–многое другое, что оставляет след в мальчишеской памяти.

Уже потом, после войны, когда отец стал работать шофёром же в МОПРе (Международном Обществе Помощи Революционерам), переименованном затем в «Красный Крест», ездить в интернациональный детский дом в городе Иваново, мне стало понятно, что он работает в КГБ.

Но ни разу в жизни отец об этом не проговорился, хотя бывал и крепко выпившим, и уже старым, и в новые времена. Вот внутренняя железная дисциплина. «Гвозди бы делать из этих людей» ...

В «Марьино» нам выделили участок земли (чернозёма), мы посадили на нём картошку, и когда уезжали из совхоза в Москву в начале июня 1941 года, на чёрном фоне уже проклюнулись зелёные глазки. Жалко было расставаться с такой землёй.

9 июня 1941 года мы приехали в Подмосковье – в деревню Матюшино Пушкинского района, и остановились в семье сводной сестры отца тёти Лизы Киселёвой, дом которой, хутор, находился недалеко от самой деревни.

Называлось это отхожее место (по ряду обстоятельств иначе назвать его не могу) хутором Киселёвых.

Дом у Киселёвых был глинобитный, что характерно больше не для Подмосковья, а для Средней Азии, без электричества, свет только от настольной керосиновой лампы и лампадок. Рядом был прудик метров 5×5, был сарай, в котором на верхней палате хранилось сено для козы Мяки, а низ служил нам всем туалетом – отдельной уборной при доме не было. А под полом в доме всегда стояла вода.

Коза Мяка слопала наше туалетное мыло в первый же день нашего приезда, поскольку мы опрометчиво забыли его

на скамейке рядом с умывальником, прибитым к сосне. Но это были ещё только цветочки ...

Отец сразу же уехал в Караганду – на новое место своего назначения, мы же остались дожидаться, пока он получит там жильё.

А 22-го июня пришла война.

Утром этого дня я по какой–то причине был в деревне и там услышал, что она началась. О войне тогда много говорили, но погода была тёплой, небо ясное, и я с удовольствием побежал на хутор, крича во всё горло: «Урра–а!! Война–а–а!!». Накричался.

Денег нам отец оставил мало – и они быстро кончились. От отца не было никаких вестей, и мама начала продавать понемногу вещи, которые мы взяли с собой в дорогу.

Но к началу осени и они кончились, осталась лишь одна новенькая беличья шуба, которую отец купил в подарок маме прошедшей зимой.

И мама пошла с этой шубой к дяде Сане – опять к сводному брату отца, чтобы отдать эту шубу в залог в обмен на молоко. (Дядя Саня держал корову).

Договор был заключён, шуба перешла к новому владельцу, а мы стали получать по две кружки молока в день.

Но через короткое время дядя Саня Негодяев (такая у него была фамилия, и он был в полной мере достоин её) вдруг заявил маме, что шуба её проедена молью, она ни к чёрту не годится, но он всё равно не возвратит её, пока с ним не расплатятся за молоко. Знал, негодяй, на что давить и кого бить.

Уже много лет спустя, в начале шестидесятых годов, когда я работал хирургом-онкологом в областном онкологическом диспансере в Болшеве, ко мне явились родственники заболевшего дяди Сани Негодяева и прямо потребовали, чтобы я посмотрел и устроил больного в стационар, – ведь, дескать, он во время войны нам помогал.

Я ответил, что с малых лет ненавидел и сейчас ненавижу этого негодяя Негодяева – именно за то, к а к отнёсся он к

нашей семье, к нашей беде во время войны, так что моей помощи и не ждите. Повернулся и ушёл. Вот так!

У кого-то мама заняла немного денег, мы приобрели пятилитровый железный бидон, купили в какой-то дальней деревне молоко и продали его с небольшой наценкой на рынке станции «Правда». В последующем какое-то время мы так и жили на эту наценку на купленное в отдалённых деревнях молоко, совершая при этом огромные пешие переходы.

Но однажды такое молоко в железном бидоне прокисло, и мама не знала, что с ним делать: стоит и плачет. К нам подошла какая-то женщина, спросила, в чём дело, и когда узнала, посоветовала: а вы продавайте его как простоквашу. И всё: мы продали простоквашу за те же деньги, что и обычное молоко. Встречаются же такие внимательные и добросердечные люди!

Мы не были прописаны у Киселёвых, но в сельсовете нам наконец-то выдали карточки. Но поскольку в Матюшино не было не то что магазина, но даже лавки, мы отоваривали, как тогда говорилось, их на станции «Зеленоградская», «Правда», ездили на электричке даже в «Клязьму», «Мытищи» или в «Пушкино», – где удастся хоть чем-то разжиться.

Над нами часто пролетали самолёты, слышались дальние взрывы, потоком мимо нашей хибары шли беженцы, а некоторых из них везли на телегах. Иногда кто-то из беженцев на несколько дней останавливался и на хуторе.

Поскольку немцы повсюду разбрасывали листовки, то мы их читали, потом спрашивали у беженцев, а правда ли, что немцы никого не тронули и не тронут, как написано в листовках, что они уничтожают только жидов и коммунистов? На что нам отвечали, что это всё немецкая брехня, что вешают и расстреливают кого ни попадя, недаром же все, кто может, уходят от них.

Этот вопрос про немецкие зверства мне и особенно дяде Ване – родному брату моей мамы, – ой как сказался в 1943 году. Но об этом событии я расскажу в своё время.

Тётя Лиза работала прислужницей на станции «Никольская» в Никольской церкви, что по Курской дороге, поэтому в доме Киселёвых командовали четыре сестры и один брат по имени Шурик, – все они были старше меня, за исключением одной сестры. Та была на год моложе меня.

Они страдали потрясающей завшивленностью, которая передалась и нам. Вшей, за неимением бумаги, счёсывали гребёнками прямо на фанерку, потом стряхивали её на печь, если печь топилась, или просто в печь – на будущую растопку. Они голодали почти как и мы, правда, иногда им кое-что подкидывала мать из Никольской.

С колхозных полей урожай к осени так и не убрали, но никому под угрозой расстрела не разрешалось взять с поля даже замороженную капусту, но мы с Шуриком ночью ползком пробирались-таки на это поле, с трудом нащупывали и отрывали кочаны от земли, а дома варили из них чёрте какую смесь. Но ели, ели ... А куда денешься?

Однажды в низине по дороге на станцию «Зеленоградская» пала лошадь, но существовал такой же запрет, как и на колхозное добро, павших животных не трогать. Однако мы с Шуриком ночью пробрались в низину, но от лошади обнаружили только небольшие части ног с копытами. Мы эти части варили, варили – несколько дней варили, но так и выбросили все вместе с «супом». Такая конина оказалась несъедобной даже в тех голодных условиях.

В лес, когда ещё были грибы, тоже запрещалось ходить, потому что там, за небольшими опушками, был устроен сплошной лесоповал и говорили, что он заминирован. Да и диверсантов боялись тоже.

Наступила зима, немцев отогнали от Москвы, я продолжал учиться, причём у меня ни сапог, ни валенок не было, а были только ботинки тридцать второго размера (Боже, каким же маленьким я был в то время!), да солдатские обмотки, вернее, одна обмотка, разделённая пополам, которыми я обматывал ноги от колен до щиколоток. Вместо портфеля у меня была зелёная сумка от противогаза.

Но учился я всегда хорошо, и учительница Валентина Алексеевна (забыл её фамилию, а ведь она спасла всем нам – мне, маме, брату – жизни, и это не метафора, а действительность! Читатель скоро об этом узнает), – Валентина Алексеевна, невзирая на мои частые пропуски, нередко похваливала меня на уроках за мои успехи в учении.

Иногда я вместо школы уезжал на электричке в Москву и привозил маме и брату куски чёрного, и даже иногда белого хлеба. Мама ничего не говорила, но печально вздыхала: она без слов понимала, что я ездил в Москву побираться.

Я побирался всегда в одной и той же булочной – напротив Ярославского вокзала, рядом с ЦДКЖ (Центральный дом культуры железнодорожников).

Сейчас эту булочную снесли, а вокзал и ЦДКЖ остались в неизменённом виде.

Но голодная трагедия охватила нашу семью где-то в начале февраля, когда я поехал в «Пушкино» отоварить наши хлебные карточки.

В «Пушкино» на одной из площадей стояла длинная очередь за хлебом. Я занял очередь, но мне, извините, читатель, захотелось пописать, и я попросил какую-то стоящую впереди меня тётеньку запомнить меня, когда я вернусь.

Тётенька мне ответила, что вряд ли она запомнит меня, такого маленького мальчика, которому лучше сидеть дома.

Тогда я отдал ей свои карточки (до сих пор не могу понять, зачем я это сделал?!) и сказал, что она отдаст их мне, когда я вернусь.

Конечно, когда я вернулся, никакой тётеньки в очереди уже не оказалось, и с ней исчезли мои карточки.

Я просто взвыл от горя. Люди в очереди с сочувствием и со страданием смотрели на меня, некоторые вслух жалели и проклинали воровку, я услышал даже такую фразу «дорого обойдётся этой курве детское горе», но чем они могли мне помочь?..

Я уже перестал ходить в школу и стал ежедневно ездить на Ярославский вокзал побираться. Привозил немного хлеба,

но мама почти его не ела – сберегала для сыновей. Она стала опухать от голода, потом слегла окончательно.

Мои двоюродные (или троюродные, не разберёшь) сестры стали издеваться над ней, кто-то из них подлил маме в постель воду – «обоссалась».

Для меня, как, наверное, и для мамы, жизнь кончалась, и я решил в последний раз сходить в школу, наверное, чтобы проститься с любимой учительницей.

Деревенские ребята по сравнению ребятами–беженцами и такими, как я, «приезжими», жили получше нас: у них ещё оставались запасы с огорода, кое-кто из колхозников держал коз и даже коров, поэтому их ребята приносили с собой в школу в бутылочках даже молоко.

Такой «богатый» деревенский мальчишка, если и уронит в классе кусок хлеба на пол - он его никогда не подберёт. Побрезгует.

В тот последний, как мне казалось, день в школе, я нашёл такой упавший кусок хлеба под партой и сдвинул его ногой под перекладину - чтобы никто не заметил. И когда все ученики вышли из класса, я, обдув его от сора, начал есть. Но тут в класс вошла Валентина Алексеевна и, увидев, чем я занят, сразу поняла всё.

– Мальчик мой, – запричитала она с ужасом, – бедненький, ну как же можно так?! Как же я не видела, что тебе так плохо?! Идём быстрее ко мне, я тебе хоть хлебушка дам!

Я покорно, как виноватый, опустив голову, пошёл вслед за учительницей в её комнату, которая находилась в одном здании со школой. Мне было и горько, и обидно. И стыдно перед учительницей, как будто я съел что-то запретное.

Как сейчас помню я эту комнату учительницы: железная кровать, аккуратно застеленная серым солдатским сукном, в изголовье - взбитая белая подушка, рядом - обыкновенная тумбочка, у окна - небольшой столик со стопкой книг, а у стены стоит шкафчик для одежды.

Валентина Алексеевна подбежала к тумбочке, распахнула; и из неё повеяло таким ароматом свежеиспечённого хлеба, что у меня закружилась от него голова.

Схватив столовый нож, Валентина Алексеевна стала нервно отрезать огромный кусище от круглой буханки, а у самой потекли слёзы.

- Ну, как же так?! Ну, как же так, миленький?! - запричитала она, - я знаю, у тебя есть братик и мама, я не дам вам погибнуть, поверь мне, я вас спасу! Боже, что творит эта проклятая война!

Она засунула в мою противогазную сумку отрезанный ломоть хлеба, усадила за стол и накормила чем могла. А это была варёная картошка с куском селёдки – самые вкусные в мире картошка и селёдка!!

А через два дня из сельсовета на хутор Киселёвых с санками и увесистым кулем на них пришли две тётки («так положено для охраны ценного государственного груза» - объяснили они мне приход вдвоём) и под расписку вручили мне полпуда муки в этом куле. Конечно, это Валентина Алексеевна позаботилась о нас.

Они и спасли нас - Валентина Алексеевна и её мука. А потом, в марте, мы получили карточки, затем в Подмоскovie пришло тепло, появились лебеда, крапива, щавель, – в общем, жить стало лучше и веселей.

Я продолжил учёбу в школе и окончил второй класс на «отлично».

Но мама всё же попросила меня, чтобы я уехал в Самарканд и нашёл там тётю Таню – её родную сестру. Таким образом хотя бы я спасусь, а они с Эдиком, наверное, погибнут здесь, если им не поможет узнавшая о нашей беде тётя Таня.

Она много раз писала из Матюшино в Самарканд, но никто на её письма не отвечал. Может, куда уехала? Но искать тётю Таню мне надо было всё по тому же адресу: улица Некрасова, дом 35.

А дальше – уже другая история.

Глава 2-я: война и Узбекистан

В конце июня 1942 года я и уехал в Среднюю Азию, не предупредив об этом маму. Поэтому она думала, что меня убили наши родственнички. Испугалась она и за Эдика, и, спасаясь, тайком убежала из хутора Киселёвых вместе с Эдиком на станцию «Лосиноостровская», где ей дали койку на двоих в железнодорожном общежитии и место работы - стрелочницей.

Я даже сейчас не представляю, как это я, десятилетний мальчишка, в общем-то, весьма дисциплинированный, никогда не склонный к побегам, решился на такое, даже с разрешения матери, - удрать во время войны в далёкую Среднюю Азию.

Думаю, я попал на Казанский вокзал, откуда отправлялись поезда в Среднюю Азию, сначала, как говорят сейчас, для «прикида»: как бы это могло произойти на самом деле.

На вокзал тогда можно было попасть только по пропускам и билетам, но я уцепился за чемодан какой-то тётки, будто я с ней, - так и прошёл.

Толпилось много народу, но я нашёл расписание и выяснил, что специально до Самарканда поезда не ходят, но можно и до Ташкента, а там сделать пересадку. Или сесть на поезд до Сталинобада или Красноводска – они проходят транзитом через Самарканд, однако сегодняшние уже ушли.

В то время, когда я появился на вокзале, как раз шла посадка на ташкентский поезд, и я отправился «посмотреть» на этот поезд. Вагон оказался купированным, все места были заняты, и я почему-то попросил разрешения занять третью полку - над входом в купе.

Мне разрешили, но поинтересовались, откуда я, почему я такой маленький и один. Тут уж развернулась моя фантазия.

Я сказал, что мы с мамой и братом эвакуировались из Курской области (Рыльский район, совхоз «Марьино»), но наш поезд разбомбили, мама и брат погибли, а я еду в Ташкент (поезд-то шёл до Ташкента!) к своей тёте - родной сестре моей мамы, которая живёт на улице Некрасова, дом 35 (для достоверности чего только не соврещь).

А на вопрос, почему я это делаю сам, а не через детскую комнату, которая есть на каждом вокзале, я ответил, что, во-первых, у меня нет никаких документов, поэтому всё может затянуться, во-вторых, мне только сказали, что мама и брат погибли, но сам я этого не видел.

А если они остались живы и уже ждут меня в Ташкенте? Мы с мамой к тому же договорились, что если потеряемся по дороге, каждый пусть добирается сам до тёти Тани.

Я так убедительно врал, что все мне поверили, жалели меня и кормили вкусно и обильно до самого Ташкента.

Но на ташкентском вокзале мне сказали, что поезд на Самарканд ушёл ещё утром и теперь будет только через два дня. Я проголодался, денег у меня, конечно, не было, и я отправился на привокзальный базар выпросить какую-никакую еду.

Я приехал в Ташкент 24 июня (это хорошо запомнил), а на ташкентском базаре был уже развёрнут настоящий фруктово-овощной пир: здесь в изобилии были свежие огурцы и помидоры, молодой картофель, редис, какие-то зеленоватые редьки, навалы разноцветной черешни, абрикосов, ранних яблок и многого ещё чего...

Это я описываю не по первым впечатлениям, а пожив несколько лет в Узбекистане, - пусть меня не осудит за это читатель. Мне просто хотелось вникнуть в состояние десятилетнего мальчика, встретившего такое изобилие съестного после недавно перенесённого голода и холода, нищеты и завшивленности быта.

Сердобольные узбеки дали мне и помидор, и черешни, не пожалели лепёшку и даже напоили чем-то кислым. Теперь я думаю, что это был кумыс.

Наверное, от каких-то из этих продуктов я и заразился дизентерией.

Ночь я провёл в уголке тяжеленного вокзального дивана с надписью на спинке «НКПС» - «Народный Комиссариат Путей Сообщений», а утром меня разбудил милиционер и отвёл в детскую комнату, как беспризорника.

Видимо, кто-то из пассажиров купе ташкентского поезда увидел меня празднично шатающимся на вокзале, а не ищущим свою тетку в городе, и сообщил об этом «куда следует».

Из детской комнаты меня без задержки направили в детский дом, как сейчас помню, № 3, там постригли меня наголо, чем-то вонючим смазали её от вшей, помыли, выдали чёрные трусы и белую рубашку с чёрными печатями, а на ноги - прорезиненные синие тапочки со шнурками.

Кормили нас в детдоме чёрте чем, особенно по сравнению с тем, что я ел в поезде по дороге сюда, в город не выпускали, но ушлые детдомовцы приспособились перелезть через кирпичный забор с помощью остова поломанной железной койки, которая всегда лежала у забора, а возвращались с помощью такого же остова койки, лежащего по другую сторону забора.

Я никуда в город не выбирался, потому что почувствовал какую-то слабость, недомогание, но на встречу с узбеками, которые пришли брать детдомовских детей на воспитание (такой патриотический отклик Узбекистана на всенародную беду был широко распространён, брали даже по несколько детей в одну семью), взяли и меня.

Меня назвали сразу узбекским именем «Одыль», а о фамилии воздержусь, - в Узбекистане много людей с такой фамилией, могут найтись и мои «родственники». Мои новые «родители» заявили мне, что они скоро отвезут меня в Фергану, сделают мне обрезание и приобщат к исламской религии.

Жили они на краю старого города, - там, где трамвай делает завершающий круг, а рядом протекал ручей - арык по-узбекски.

Жили они в глинобитном одноэтажном доме с несколькими комнатами, в кладовке у них я отметил наличие целого продовольственного богатства: стояли двадцатилитровые бутылки с хлопковым маслом, мешки с рисом, крупой под названием «джугара», мешки с кишмишем (изюмом) и так далее. Кажется, были ещё мак и грецкие орехи.

Я даже пошёл в школу, в третий класс, и по быстро приобретённой детдомовской привычке «тырить» всё, что «тырится», в первый же день «стырил» у одноклассника учебники, - учиться же надо было, тем более, я поступил в русскую школу.

Но это был мой первый и последний день посещения школы - на следующий день у меня начался кровавый понос, и новоприобретённые «родители» направили меня в инфекционную больницу. Больше я их не видел.

В той палате, куда меня положили, коек почему-то не было, и мы, попеременно взрослые и дети, лежали на обосранных кровавым поносом кошмах прямо на цементном полу недалеко от дыр в полу вместо туалетов. К этим дырам то и дело не подходили, а подползали несчастные больные. Некоторые из них умирали.

Помню, как умер один длиннющий русский парень, исхудавший до костей. Он не уместился на носилках, ноги выходили далеко за пределы них, и его выносили три санитары вместо двух.

Я не помню, кто и чем меня лечил, мне становилось всё хуже, я уже видел свою судьбу в судьбе того длиннющего парня, но однажды санитарка, русская, но местная, видимо, догадавшаяся по чёрным печатям на рубашке, что я из детдома, спросила, а где мои родители. Я ответил, что отец на фронте, а мать (соврал на всякий случай) не знаю.

- О-оо, ты здесь гамозом помрешь! - сказала она уверенно, - но я тебя буду лечить сама! Ушла и вскоре вернулась с полной пиалой кислоющего, но такого приятного узбекского молока и с раствором марганцовки в другой пиале.

- На, пей! - приказала она, - И чтобы всё выпил! Потом регулярно приносила ещё и ещё.

Уже на третий день у меня прекратился кровавый понос и вскоре меня выписали из больницы.

Думаю, таким народным средством эта сердобольная русская женщина вылечила не одного бедолагу в этой больнице.

Я не помню имени моей спасительницы и благодетельницы, но рецепты её лечения остаются безупречными не только в военное время, но и сейчас.

Я это утверждаю уже как врач.

Ведь раствор марганцовки дезинфицировал кишечник, а кислейшее именно узбекское молоко (у нас в России *такого* кислого не производят) создавало в кишечнике закисленную среду, при которой дизентерийные бактерии не развиваются.

На всю жизнь я сохранил мою благодарность к своей безымянной спасительнице, и перенёс это почтительное и душевное отношение ко всем санитаркам, с которыми мне приходилось работать и заведующим отделением, и простым врачом. Те, кто со мной работал, наверняка это помнят.

Меня вернули в детский дом, и вскоре я вступил в шайку малолетних (до пятнадцати лет) воров, которой, как оказалось, руководил «дядя Саша-костыль» - буфетчик из ташкентского вокзала. У дяди Саши одна нога была деревянной - свою он потерял во время войны с финнами.

К нам попечитель и наставник относился доброжелательно, часто подкармливал из запасов своего буфета, но тех, кто нарушал установленную им дисциплину, отлучал от себя сразу же и без колебаний.

Таким, кто подлежал отлучению, были те, кто начинал пить, курить план (анашу), кто дрался с применением ножей и заточек, кто воровал у своих же.

Кто-то из ребят сказал мне, что дядя Саша - сам бывший детдомовец.

Я теперь думаю, не воспитанником ли Великого Учителя Антона Семёновича Макаренко был в своё время наш охранитель и спаситель «дядя Саша-костыль»?

На базарах мы воровали в основном арбузы, дыни, виноград, ещё что-нибудь вкусненькое, вещей же - никогда.

Дядя Саша нам это категорически запретил. Ворованные вещи мы только переносили, и то по указанию самого дяди Саши.

Идём по улице в белых рубашках с чёрными печатями, несём что-нибудь довольно тяжёлое, все знают, что мы детдомовские, несём ворованное, но не трогают. Боятся. Вероятно, нас скрытно охраняли взрослые воры.

Дядя Саша проявил ко мне доброжелательный интерес, сказал, что у меня глаза умные. И назначил меня «командиром» всей шайки с беспрекословным мне подчинением.

Однажды дядя Саша попросил меня рассказать про себя, и я рассказал ему всё: и про совхоз «Марьино», и как мы оказались в Матюшино, и про маму с братом и наш общий голод, и почему и как я оказался в Ташкенте, и как меня усыновляли, и как я чуть не умер в инфекционной больнице.

Да-а, - раздумчиво протянул дядя Саша -, хлебанул ты горя много, хоть и малец всего. Горького опыта набрался выше крыши... Говоришь, у тебя тётка в Самарканде? Та-а-к... А здесь ты ведь и спиться можешь, и план начнёшь курить, и порезать тебя могут ... Знаешь, сделаем вот что: я тебя усыновлю, но из детдома пока не заберу, чтобы не подумали чего нехорошего. Это чтобы оформить документы на тебя, их же у тебя нет. Ещё я в нашей железнодорожной милиции выпишу на тебя пропуск в Самарканд, без этого никуда ехать нельзя, и куплю тебе билет до самой твоей тётки. Хоп майли?» – закончил он по-узбекски.

«Хоп майли» - согласился по-узбекски я, что в переводе на русский означало «согласен».

Дядя Саша выполнил всё, что обещал, но ещё меня, к моему великому удивлению, и нарядно приодел: купил ровно на меня севшую матросскую курточку с короткими штанами, но с ремнём и бляхой, и бескозырку с ленточками. И ещё новенькие блестящие черные ботинки, которые мне тоже оказались впору.

- Сними рубаху, - сказал он в дополнение, - я к ней изнутри пришью карман: положишь в них документы и деньги, а то мало ли чего... Лихих-то людей полно, добрых

только недостаток». Потом с печалью в голосе добавил: «А у меня собственных детей нету».

Ещё он с извинением сказал, что смог достать билет лишь на поезд, идущий до Красноводска (теперь этот город называется Туркменбаши). Этот поезд пребывает в Самарканд в три часа ночи, но ничего, у нас здесь светает рано, да и ты не промах.

Перед отправлением поезда он напихал мне в зелёную сумку от противогАЗа (опять она!) всяких вкусностей, в которых я не стал даже разбираться, чтобы не обидеть дядю Сашу.

Мы простились, и, по-моему, у него глаза повлажнели... Наверное, он вспомнил и своё детдомовское детство...

В купе вагона, в котором я должен был ехать, уже было три молодых матроса, весёлых и уже поддатых. Увидев своего десятилетнего «коллегу», они сразу же приняли меня в свою кампанию, предложили выпить и посадили ближе к столику, уставленному всяческими яствами.

Вероятно, моряки служили в таком соединении, в котором служба высоко оплачивалась. Может, подводники?

О себе они ничего не рассказывали, только сообщили, что перебазируются служить на Каспий.

От выпивки я, конечно, отказался, а вот ломоть белого хлеба, густо намазанного чёрной икрой, съел с великим удовольствием и, пожалуй, впервые в жизни. Я имею в виду не процесс поедания икры, а саму чёрную икру, которую увидел впервые.

Когда поезд прибыл в Самарканд, было около трёх часов ночи, но моряки разбудили меня раньше предупреждённого об этом кондуктора, и все трое спустились на перрон, шутливо выстроившись в ряд. Сумка моя была переполнена, в ней оказались и полбуханки белого хлеба, и баночка чёрной икры, и какая-то копчёная рыба с толстыми круглыми боками.

Я не знаю, сохранила ли судьба им, этим славным военным морякам, жизни или кто из них погиб на войне или умер уже своей смертью: ведь они были гораздо старше меня, но пусть они «там» знают, что память о них жива, пока живы

те, кому они делали добро. Как мне, например, которому совсем скоро будет восемьдесят ...

Сошедшие с поезда быстро разошлись кто куда в темноту, а я вошёл в пустой зал вокзала (лишь несколько человек спало на диванах с надписью «НКПС»), с трудом отодвинул в сторону один из таких диванов, оказавшийся незанятым, забрался через узкую щель за и под него, но обратно «задвинуться» не смог, - сил не хватило. Так я и заснул на полу за диваном.

Но когда я утром проснулся, противогазной сумки моей со всем её содержимым не было, бескозырка тоже исчезла, а курточка моя была наполовину растёгнута - видно, обыскивали меня, безмятежно спящего, но документы-то были с внутренней стороны рубашки, а добираться туда – значит меня разбудить.

Конечно, я бы подавлен всем случившемся, но я не заплакал: ведь я был почти у цели: скоро я найду свою любимую тётю Таню, лицо которой ещё помнил!

Я мысленно сказал спасибо доброму дяде Саше за предупредительность насчёт документов и отправился в привокзальную милицию показывать их. Там долго куда-то звонили, потом сказали, что по улице Некрасова, дом 35 Калугина Татьяна Васильевна уже не проживает, её будут разыскивать, а меня на это время отправят в детский дом.

Лишь через несколько дней за мной в детский дом приехали из милиции, сказали, что нашли мою тётю, но живёт она по другому адресу, - Дуплинский проезд, дом 4, куда меня и отвезли на милицейской машине.

Тётя Таня, ещё не старая женщина, узнавшая, что я приехал один, без матери и брата, была расстроенной и заплаканной. Она судорожно обняла меня и стала расспрашивать о маме и Эдике, живы ли они.

Я ответил, что были живы, когда я уезжал из Москвы, но прошло много месяцев... Я приехал за помощью всем нам.

Она сказала, что работает на чаеразвесочной фабрике, зарплата у неё маленькая, так что накоплений никаких нет, а

Лида, её дочь, сейчас в Омске с мужем, который служит в какой-то воинской части.

А писем от мамы она никаких не получала: по-видимому, те, кто живут сейчас на Некрасовской, их просто рвали, - нехорошие это люди, злые.

- Ой, ты, наверное, голодный! Я сейчас тебя кашей из джугары накормлю, у меня она есть.

Пока я молча ел странную кашу из джугары, тётя Таня продолжала: «А ты знаешь, что Николай Степанович тебе не родной отец? Эдику да, родной, а тебе он отчим. Но он хороший человек, я с ним знакома. А твой родной отец - это Калугин Виталий Степанович, мой бывший муж. Его ещё в армию не призвали, он сейчас здесь, в Самарканде.

Поскольку ты родился в Самарканде, на тебя можно будет получить метрики, ведь твои документы для жительства у нас, я думаю, непригодны».

Я слушал тётю молча и с ужасом думал: мой папа, которого я люблю и помню, кажется, с самого рождения, и которого всегда считал родным, вдруг оказывается не родным, а родным является совсем чужой дядька, который не был даже мужем моей мамы. Да ...

- Ты расстроился, да?- участливо спросила тётя Таня, и, не получив моего ответа, философски добавила, - Жизнь есть жизнь, тут ничего не поделаешь ... И виноватых нет.

Она очень быстро, за несколько дней, получила на меня метрики, в которых я значился Калугиным Виталием Витальевичем, и сказала, что у неё мне жить будет трудно и не на что, а лучше она отправит меня в семью дяди Вани, который является родным братом её и мамы.

Дядя Ваня живёт хорошо, в Армию его не призвуют, потому что у него когда-то был туберкулёз, так что всё нормально, - она уже обо всём договорилась с дядей Ваней и тётей Любой, его женой, по телефону.

- А насчёт родного отца ты не беспокойся, - сказала она, - он тебя донимать не будет. Он мне недавно сказал, что у него никогда не было и нет родного сына.

Тётя Таня, виртуозно работая на швейной машинке «Зингер» с ножным приводом, быстро сшила мне из чего-то старого новые брючки, тоже пришедшиеся мне впору, потом сшила мне и пальто тоже из чего-то старого, но сшитым выглядело оно как новое. Сделала она к этому пальто и ватную поддёвку.

- Ты поедешь к дяде Ване в Шахрисябз через горы, здесь расстояние всего-то ничего – каких-то семьдесят километров, но поедешь на грузовике «студебеккер», а в горах холодно, снег уже лежит даже в долинах. Но «студебеккер» будет шахрисябский, Дядя Ваня пришлёт с ним для тебя большую меховую шубу, закутаешься в неё с головой, не замёрзнешь. А с поездом ещё трудней: до станции Китаб, что рядом с Шахрисябзом, надо ехать с пересадкой и много часов.

И вот я был доставлен прямо ко двору дяди Ваниного дома. Двор окружал глинобитный забор (дувал по-узбекски), внутри которой с одной стороны располагались загончики под навесами для свиней, овец, кур, уборная, а с другой стороны - вытянутый в длину глинобитный домик с глинобитной же крышей, состоящий из трёх переходящих одна в другую комнат с отдельными выходами наружу для каждой из них. Делались эти отдельные выходы специально на случай землетрясений, которые в этих краях случались нередко. Чтобы случайно не завалило.

Крыша над жилыми помещениями была очень толстой и состояла из смеси глины с соломой и называлась саманной. Такая крыша и саманные стены хорошо сохраняли в холодное время года тепло, а в жару - прохладу. Если крыша частично смывалась водой во время затяжных дождей, к ней просто добавлялась новая порция самана. Так что практичный дядя Ваня не от бедности построил для своей семьи саманный домик.

Свой рассказ я веду не для хронологического описания своей биографии, которая никому не интересна, а о людях, в том числе и о детях, которых я знал, - добрых и злых, порядочных и непорядочных, самоотверженных и негодяях, о

той обстановке, в которую я попал в период тяжких испытаний для страны, для нашего народа, и как я выходил из этих обстоятельств и чего в конце концов достиг.

Но это отступление, дальше я продолжу своё повествование.

У дяди Вани меня стали откармливать как на убой, и скоро в четвёртом классе русской школы, в котором я стал учиться, меня прозвали толстым москвичом.

Но я и помогал семье Кудиновых чем только мог. Так, тётя Люба (Любовь Степановна Калугина - жена дяди Вани и родная сестра Калугина Виталия Степановича, не хочу называть его отцом) - тётя Люба довольно часто отправляла меня на мельницы в ближайших кишлаках, чтобы перемолоть пшеницу на муку.

Эти мельницы стояли на небольших стремительных и холодных речках, стекавших с близких гор, и без устали перемалывали своими жерновами под воздействием воды зерно в муку. Если, конечно, зерно поступало. Очередей на такие мельницы не было.

Немного хочу рассказать о дорогой для меня тёте Любе.

Она окончила с золотой медалью гимназию в городе Саратове (её внук Юрий, сын дочери тети Любы Гали, не так давно побывал в этой гимназии и убедился, что доска с именами всех отличников всех времён, в том числе его бабушки, сохранилась и висит всё в том же «красном углу») и хотела поступить в университет, но её брат, ставший старшим после ухода их отца из семьи (об этом я в каком-нибудь «месте» ещё расскажу), ей отказал. Надо было заниматься разросшимся хозяйством.

Тётя Люба прекрасно знала два языка - немецкий и французский, говорила, читала и писала на них, и так - до самой смерти в Подольске под Москвой

Она очень любила поэзию Маяковского, декламировала вслух многие из его стихов, и когда я хмыкнул над названием поэмы «Облако в штанах» («напугал что ли в них?»), она обстоятельно и серьёзно объяснила мне, почему я не прав.

С её серьёзным вниманием к моему чтению я познавал Пушкина, Достоевского, Некрасова и других любимых ею писателей и поэтов.

Но и я не остался в долгу перед тётёй Любой.

Много лет спустя в Подольске, куда Кудиновы переехали из Средней Азии, у тёти Любы после инъекции появился абсцесс в правой ягодичной области. Она, уже пожилая, страдала избыточным весом и, главное, сахарным диабетом. Её посмотрел местный хирург («херург», сказал бы я), ничего «своего» не нашёл, выписал какие-то таблетки и ушёл. А у тёти Любы температура под 40 градусов, «подскочил» сахар крови.

Что ж ты, гадина-херург, не мог сделать хотя бы простую пункцию, чтобы убедиться - есть гной, нет гноя? Или у тебя руки отвалились бы от этого?! Смотри, я это дело так не оставлю! Я работаю в областной онкологической больнице заместителем главного врача по хирургии, сам являюсь хирургом высшей категории, так что я профессионал и мне очки по моей профессии не втрёшь!

Мне позвонили на работу о случившемся, я расспросил, что и как, и приехал уже со всем необходимым стерильным хирургическим инструментарием, завёрнутым в стерильную простынь, флаконом стерильного новокаина и со стерильным перевязочным материалом.

На той же постели, где она лежала, я сделал нужные разрезы в нужных местах и выпустил в подставленный таз больше двух литров гноя с кровью! Больше двух литров!

Всё это я написал на листе бумаги, но уже в адрес заведующего местной поликлиникой. Велел родственникам немедленно отнести это послание адресату, а содержимое таза сохранить для показа приехавшим хирургам. - Ничего, приедут *как миленькие!*

И действительно, не приехали, а примчались, сиюминутно организовали отправку больной в хирургическое отделение и просили прощения, просто умоляли не ставить в известность облздрав, - они сами сегодня же расстанутся с этим «херургом»!

Тётя Люба прожила после этой простой, но необходимой операции ещё несколько лет.

Ещё я научился у тёти Любы готовить настоящий узбекский плов из баранины. По сию пору этот плов является в моей семье фирменным.

Город Шахрисябз был тогда заштатным городком, в котором проживало не больше трёх десятков тысяч человек, из них почти половина - русские.

Как русские люди оказались в Средней Азии, да ещё так близко от «полюса жары» в СССР - города Термеза?

Мне об этом написал не принятый мной отец Калугин Виталий Степанович. Он написал, что после подавления восстания Пугачёва из ближайших к Москве губерний, в которых население поддерживало восставших, русская царица Екатерина 2-я отправляла целыми сёлами за Волгу - в степь. Так появились Калугины - из Калуги, Рязановы - из Рязани, а «родовая» наша фамилия - Михайловы.

Потом его отец и мой, стало быть, дед Степан Ильич Калугин связался с известным А.Ф. Керенским, который организовал в Саратове партию трудовиков, подался с вождём в Петербург, где и сгинул бесследно. Мы думали, он стал депутатом Госдумы, проверили по Интернету - «в списке не значится».

Но, видимо, Степан Ильич и его семья значились в списке другом - подлежащих раскулачиванию, потому что в пережившихся и повыходивших замуж между собой семьях Калугиных и Кудиновых, объединённых общим трудом и соседством друг с другом в селе Новорепное Новоузенковского района Саратовской области, зрело кулачество, богатевшее и становившееся никак не зависящим от государства.

Поэтому, кем-то заранее предупреждённые, в 1929 году обе семьи снялись с места и с тем, что смогли унести в руках, исчезли из своего села в неизвестном направлении. А уехали они тайком в Среднюю Азию, где раскулачивание ещё не началось.

Фамилия же Кудиновы - ближе к татарскому племени, может быть, даже местному. Дядя Ваня, так тот вообще выглядел настоящим татаринном: смуглый от природы, с поседевшей бородкой и в тубетейке на голове, он всем московским татарам казался уважаемым ими стариком - бабаем. С ним так и здоровались почтительно - салам, бабай. Он им отвечал, по-моему, так: алейкум салам.

В Самарканде, куда первоначально приехали обе семьи, тётя Таня заделалась истовой комсомолкой, она даже приняла непосредственное участие в начавшемся и в Узбекистане раскулачивании баев. Через неё к нам с мамой попало два необыкновенно красивых и крупных бриллианта, которыми можно было даже резать стёкла. Что я и делал в своё время.

Но об этом я напишу не скоро, хотя и в этих очерках.

А сейчас я вновь вернусь к моему приезду в семью Кудиновых.

Всё то время, как только дядя Ваня узнал о моём приезде и о маме в Москве, он добивался возможности связаться с ней, чтобы выписать ей пропуск для приезда её с Эдиком сюда, в Шахрисябз.

И вот в это самое время я совершил подлость, которую я себе никогда не прощу. Подлость, которая могла стоить жизни дяде Ване.

По характеру я был мальчиком общительным, любил посещать какие-нибудь общественные собрания, особенно такие, на которых говорили о положении в стране, о делах на фронте, - у меня же наверняка воевал отец, но я о нём ничего не знаю.

И вот я попал на такое собрание, на котором говорили о войне, о зверствах фашистов на оккупированной территории.

И тут я вспомнил о немецкой листовке, найденной рядом с хибарой Киселёвых, в которой было написано, что немцы уничтожают только коммунистов и жидов, а остальных не трогают. И я спросил лектора, а что будет с нами, если немцы придут сюда?

Многие с удивлением посмотрели на меня, а лектор успокоил: не бойся, мальчик, враг будет разбит, победа будет за нами. Так что Шахриябз останется советским. Все засмеялись такой шутке пропагандиста.

Дома я никому и ничего не рассказывал о произошедшем, а на следующее утро, как я только появился в школе, меня взяла за руку наша классная руководительница и привела прямо в кабинет директора школы.

Там меня уже ждали сам директор, две учительницы и трое незнакомых мне мужчин с суровыми лицами.

– Кудинов Георгин Николаевич? - спросил меня один из этих мужчин, предварительно заглянув в какую-то бумажку. Я ответил «да», потому что на Петракович у меня не было документов, когда я записывался в школу, а Калугиным быть я не хотел.

- Прекрасно. Расскажи нам, пожалуйста, что тебе понравилось или что не понравилось в немецкой оккупации, а то никто из нас здесь так и не побывал у немцев в плену. На это я ответил, что и я тоже в плену у немцев не был.

- Так откуда же такой интерес у тебя, что с нами будет, когда немцы придут в Шахриябз? Может, твой дядя что-нибудь на этот счёт говорил? Нет?

- А-а-а, - догадался я, - это вы насчёт моего вопроса на собрании? Так я же об этом в немецкой листовке вычитал!

И стал рассказывать про хутор Киселёвых в Матюшино, про беженцев, про разбросанные немецкие листовки, про наши вопросы к беженцам об оккупантах.

Слушали меня внимательно, не перебивая, а дядька, задававший мне «дурацкие» вопросы, что-то всё время записывал в тетрадь.

– Ну, ладно, на сегодня всё, – сказал он снисходительно, – можешь идти на урок.

Когда я вернулся из школы, заплаканная тётя Люба сказала мне, что дядю Ваню забрали прямо в «Заготзерно», в котором он работал директором, и уже увезли в областной центр Карши.

А дядька, задававший вопросы, встречался со мной ещё несколько раз, но уже один на один, как вроде бы только мы вдвоём должны знать наши тайны.

Он спрашивал меня, приходили ли к дяде Ване какие-нибудь подозрительные люди, которых или за которых он боялся бы, знаю ли я, что у него были друзья среди военных поляков, расквартированных в Шахрисябзе и которые ушли недавно в заграницу через Иран? Потом спохватывался и говорил: ах, да, тебя тогда ещё в Шахрисябзе не было.

Уже много лет спустя, окончательно простив меня, дядя Ваня рассказал мне, что тогда из него хотели сделать английского шпиона, которого завербовали поляки из армии Андерса, пребывавшего в то время в Англии. Эти андерсеновские поляки отказались воевать с нами против немцев, поэтому их отправили в Среднюю Азию, чтобы в дальнейшем переправить через близкий Иран в Англию или ещё куда.

– Но у этих заплечных дел мастеров против меня не оказалось ничего, да и ты вёл себя в дальнейшем прилично, так что пришлось им меня отпустить. Но били меня, особенно в первое время, нещадно.

– Вот так-то вот, дорогой мой, как опасно язычком-то болтать! – назидательно, но прощающее заключил он.

Но это было много лет спустя, а когда дядя Ваня через два месяца вернулся, на нём лица не было: измождённый, весь избитый, дурно пахнущий невымытым телом, он тяжело опустился на стул и сказал мне: «Сурок ты проклятый, я вас спасаю, а ты мне чем ответил?!»

Но вскоре приехали мама с Эдиком. Мама молча прижала сыновей к себе и словно погрелась о нас. Потом сквозь выступившие слёзы сказала мне: «Спасибо, дорогой, ты нас с Эдиком спас. А отец на фронте; он разыскал нас в «Лосиноостровской», привёз целую котомку сухарей и сахар. Приезжал он с фронта в Москву получать новые танки – он танкист».

Я написал отцу письмо по данному мне мамой адресу «полевая почта такая-то», а обратный адрес написал дяди Вани и Кудинову Георгину Николаевичу.

Через довольно продолжительное время я получил от него ответ, что он продолжает бить врагов, была контузия, но сейчас ничего, и спросил меня, почему я сменил фамилию? Разве я не его сын?

В ответ я написал, что я люблю своего отца Николая Степановича Петраковича, горжусь им, но у меня нет метрик, поэтому я записался в школу на дяди Ванину фамилию. И вообще не тот отец, кто родил, а кто воспитал ребёнка, так что пусть он не волнуется. Я его не огорчу.

Тётя Люба прочла это моё письмо и с удивлением отметила: как оно здорово написано – с чувствами и грамотно! – У тебя, несомненно, есть писательский дар!

Эта была первая благоприятная весть о моих литературных способностях.

Глава 3-я: война и станция Китаб

Вскоре дядя Ваня устроил маму заведующей складом на базу «Заготзерно», что была в четырёх километрах от Шахриябза на станции Китаб, и перевёз нас туда.

Впервые за войну у нас появилась хорошая, хотя и однокомнатная, но с кухней и верандой, квартира в одноэтажном четырёхквартирном доме.

Но готовили мы себе еду, как и все жильцы дома, во дворе на кирпичках, перебираясь на свои кухни лишь в глубокое ненастье или зимой.

Домов таких на базе было всего четыре, они стояли рядом, отделённые одни от других лишь сарайчиками, в которых содержались куры, иногда и поросята, да площадками с обожжёнными кирпичами, о которых я сказал.

Я быстро перезнакомился со всеми ребятами, которые жили в этих домах, они меня приняли хорошо, а мне сразу понравилась девочка по имени Валя, кареглазая и русоволосая, с короткой стрижкой (волосы не достигали плеч),

подвижная и очень смешливая. В её речи отмечалась одна особенность: буквы «ш» и «ж» она произносила чуть шепеляво, получалось почти « ну фтоф», но ближе всё-таки к «ш» и «ж», и это её нисколько не портило, а мне даже нравилось.

Моим соперником, но мирным, без драк, оказался Женька Самсонов, мой одноклассник. Наше соперничество выражалось в том, «кто лучше из нас»: кто больше раз подтянется на турнике, сделанном мной и Женькой совместно, кто быстрее и лучше научится танцевать танго под патефон, который периодически выносила во двор Валя Полозова, кто больше наловит рыбы в небольшой горной речке, протекавшей поблизости и называвшейся «бабайкин арык», и так далее. Успех у нас был попеременный.

Конечно, были и другие ребята в «заготзерно», например, очень добрая, старавшаяся всем угодить девочка Нина Гудзенчук, перенёсшая в раннем детстве полиомиелит, и теперь у неё «отсыхала» (не росла) правая нога.

Со временем она хромала всё больше и больше, но продолжала бегать и играть с нами. Мы все её жалели и никто не обижал. Все знали, что ей когда-нибудь предстоит ампутация.

Конечно, мы дружили и с узбекскими ребятами, особенно с теми, кто жил с нами по соседству или учился с нами в русской школе, – великодержавным шовинизмом и национализмом никто из нас не страдал.

Но шла война, и мы наблюдали её проявления ежедневно на вокзале, когда шли мимо него в школу и возвращались домой.

На поездах привозили раненых, которых потом развозили по госпиталям, под плач матерей отправляли на фронт совсем молодых ребят – русских и узбеков, как-то привезли на поезде большую группу крымских татар.

В окружении военных им прямо на привокзальной площади в больших котлах на кострах варили из риса то ли кашу, то ли даже плов, а мы их молча жалели. Ведь среди них было больше всего женщин и детей.

С фронта всё чаще стали приходить посылки, и мы, когда разгружали почтовые вагоны, стали приходить к ним, чтобы увидеть знакомые фамилии адресатов и сообщить им об этом: ходили слухи, что посылки раскурочивают, заменяя хорошие вещи всякой дрянью, и даже разворачивают.

Всего два или три человека в Китабе узнали от нас, что им прислали посылки, а они их не получили. Скандал разыгрался не шуточный.

В конце концов эти посылки всё-таки нашлись (для страховки их, видимо, «выдерживали» какое-то время целыми).

Но потом в ответ на этот скандал почтовики стали класть посылки на тележки адресатами вниз. И всё – мы от почтовиков отстали.

Мама с утра до вечера трудилась на складах, принимая и отпуская зерно, – в её ведении находилось несколько складов, – и только на час отрывалась на обед. Готовить обед приходилось мне, и я научился готовить сначала «атоллу» – кашу из пшеничной муки на узбекском молоке (свежее молоко нам приносили узбечки из соседнего кишлака), а потом и многое другое. Например, баклажанную и кабачковую икру на хлопковом масле с ядрёными узбекскими специями, делал даже сладкий квас из сахарной свёклы.

Варил для этого очищенную и порезанную свёклу, после остывания всю эту бурду сливал в двадцатилитровую бутылку (почему-то в Узбекистане были распространены бутылки именно такой ёмкости) и ставил её в тенёк на неделю и больше – пока не перебродит. Бутылку не закрывал, иначе при брожении её могло и разорвать газами. Потом фильтровал через марлю – и пей на здоровье сладкий «пузырчатый» квас, даже чуть хмельной.

Я уже писал о том, что тётя Таня, появившись со всеми Кудиновыми и Калугиными в Самарканде, сбежав из Новорепного, заделалась такой активной комсомолкой, что даже участвовала в раскулачивании баев в Узбекистане.

Однажды в награду за старание она получила от экспроприаторов красивую шкатулку из орехового дерева, изъяв, конечно, из неё предварительно все драгоценности.

Шкатулку тётя Таня отдала маме ещё до её замужества, она была у нас и в Сталинобаде, и в «Марьино», потом даже на хуторе Киселёвых. В конце концов попала она с нами даже в Китаб.

Внутри этой шкатулки были разного вида и размера ячейки для изъятых драгоценностей, а также внутренняя сторона крышки были покрыты ярко-красным бархатом, который не потускнел даже со временем.

Мы в ячейках этой шкатулки хранили пуговицы, катушки с нитками, булавки, воткнутые в бархат иголки и прочую мелочь.

Но вот однажды бархатная крышечка с внутренней стороны шкатулки краем угла отошла от деревянной части шкатулки, я раздвинул щель пальцем, после чего она отошла совсем (видно, отсырела), и на задней поверхности бархатной крышки я заметил два гравированных стекловидных камешка, по форме похожие на крохотные парашютики в виде развёрнутого куполочка и натянутых стропиков.

– Алмаз! – ахнула мама.

Я нашёл во дворе кусок стекла, вымыл его, царапнул камешком по стеклу (при этом камешек легко удерживался тремя пальцами) – царапина осталась на стекле.

– Алмаз! – подтвердил я.

Ничего не говоря мне, мама как-то выбрала время и пошла с двумя бриллиантами на местный базар.

Она запросила за каждый камешек (видно она не верила сама, что это бриллианты, – это её и спасло) по 800 рублей за каждый, тогда как даже буханка хлеба на базаре стоила не менее тысячи рублей.

Люди подходили, щупали камни, царапали ими по ногтям и с ухмылками говорили: не-е-т, это подделка. Такими большими алмазы не бывают!

А если бы поверили; и выставленная цена была бы подходящей, а не бросовой, – не сносить бы маме своей

головы! Отобрали бы драгоценности, да ещё и убили бы, заметая следы.

Но слух о том, что у Герки Петраковича (я снова стал Петраковичем) есть хоть и фальшивый, но режущий стёкла алмаз, быстро разнёсся по моим знакомым. Ко мне стали приходить что-то от стекла отрезать, вырезать уголок стекла для вставки выпавшего, разрезать стекло – ровно, по линейке! – именно в этом месте.

И я терпеливо брал линейку и отрезал стекло ровно по тому месту, по которому нужно. Дефицит в стекле во время войны, да ещё в далёком тылу, был жуткий!

Я ни с кого не брал за свою работу плату, да мне её никто и не предлагал: взрослые видели в режущем стёкла мальчишке игру, а они мне лишь подыгрывали, но я сам уже тогда чувствовал в себе призвание служить людям (но не прислуживать!). И когда это у меня хорошо получалось, – оно наполняло меня гордостью. Я полагаю – заслуженной.

По вечерам мы, заготзерновские дети, любили играть в казаков–разбойников. Особенно мне нравилось играть в разбойников, потому что пока тебя разыскивают казаки, ты сидишь в каком-нибудь укромном местечке вместе с милой девочкой Валей Полозовой, даже не обнимаешься, (уж где там целоваться!), а только тесно прижимаешься к своей подруге, – и как всё это приятно! Прятался бы и прятался!

Тем более, когда я убедился, что победил Женьку в борьбе за Валю.

Как-то в одно из таких «спрятываний» Валя сунула мне в руку маленькую записку и, после слов «прочтёшь без меня», убежала.

Вот эта записка, которую я хранил долгие годы, пока она не истлела, а у меня не появились другие увлечения:

*Поверь, что дважды два – четыре,
Поверь, что крутится Земля,
Поверь, что есть любовь на свете,
Поверь, что я люблю тебя.*

Мы многие годы потом переписывались, я ревновал, но истинная любовь была только с моей стороны. Печально, но факт. Впрочем, это уже моё глубоко личное дело.

И последнее – про бриллианты.

Мама, по-видимому, так и не поверила, что они настоящие, потому что они долгие годы лежали у нас вместе с пуговицами в ореховой шкатулке, потом, когда она куда-то исчезла, – в какой-то банке «из-под чего-то». Никто ими не интересовался.

Окончилась война, отец не приехал к нам, а вызвал нас в Москву. И мы стали жить в одиннадцатиметровой бывшей прачечной при двухэтажном жилом доме МОПРа по улице Обуха, дом №3, – сразу же за зданием военно-инженерной академии имени В.В.Куйбышева.

Наше жилище представляло убогий вид: отец сам кое-как настелил доски на цементный пол и прибил такие же к потолку, своими же руками провёл электричество, отгородил фанерой туалет от двухметровой кухоньки, а такой же перегородкой – кухоньку от жилой комнаты, в которой потолок можно было достать от пола путём вытянутой руки.

В ней, в жилой комнате, висела единственная электролампочка без абажура.

Подключил он и газовую плиту к существовавшей уже подводке.

В годы учёбы в Первом медицинском институте ко мне в жилище случайно заглянул однокурсник Коля Боголепов, сын известного профессора, и подивился: как можно жить в такой конуре?! Я ответил бодро: ничего, жить можно.

Хотя температура зимой в нашей «квартире» выше «плюс» 11 градусов не поднималась.

И вот в этой квартире поселяется ещё и Леонард Иванович Кудинов, второй сын дяди Вани и тётки Любы, молодой светловолосый человек, как и сама тётка Люба, – в отличие от остальных сыновей–брюнетов и брюнетки дочери Гали. Леонарда тётка Люба звала «Светиком», а мы его – просто Светкой.

Светка приехал в Москву поступать в институт цветных металлов и золота, успешно сдал экзамены и поступил. А вскоре переехал от нас в институтское общежитие.

Какое-то время спустя после его «съезда» от нас я обнаружил, что в нашей «банке из-под чего-то» с пуговицами не хватает одного бриллианта, – ясно, что его взял Светка. Больше некому. Тем более что он знал о них, когда бывал, и довольно часто, у нас в Китае.

Я мысленно махнул на это рукой: взял и взял, значит, нужно было. Мы дяде Ване с тётёй Любой не столько ещё должны.

В последующем Светка периодически нас навещал, приносил нам какие-то угощения – его щедро поддерживали материально родители.

А потом, когда дядя Ваня и тётя Люба вместе с младшим сыном Броней (Брониславом) насовсем переехали в Россию (Галя и Юрий жили отдельно со своими семьями) и поселились в подмосковном городе Подольске, Светка совсем перестал нас навещать, – мне кажется, после того, как я обнаружил, что из банки с пуговицами исчез и второй наш бриллиант.

– Как думаешь, он взял? – спросила меня мама. – Он! – уверенно ответил я.

Мама попросила меня никому об этом не рассказывать: взял и взял, всё равно их не вернёшь. От воровства никто ещё не разбогател.

Но Светка разбогател! К концу института он женился, в их семье родился сын, он устроился инженером на тот же засекреченный завод, что и дядя Ваня, ему дали квартиру, участок земли под огород, но всё это вызывало только расходы, а Светка, тем не менее, богател.

«Откуда деньги, Вань?»

У него появились большие суммы, которые он не скрывал от своих родителей, – говорил, что периодически выигрывает деньги на розыгрышах трёхпроцентных займов по особо разработанной им системе, и даже прятал их у

родителей, когда в его доме возникали скандалы из-за финансов.

В конце концов его жена Валентина выследила место, где он чаще прятал деньги, выкрала их и ушла под защиту своего любовника – верзилу с огромными кулачищами, против которого не пойдёшь, пожалуй, даже с топором.

А обкраденный Светка спился, ночью упал на улице (а, может, его «уронили»?) и там же умер.

Сейчас на его могиле нет креста и не растёт даже трава. А было ему, «богатому бедняге», всего-то 46 лет. Жалко: всё-таки близкий родственник и так рано умер... И из-за чего?!

Но надо заканчивать с Китабом.

Я стал чаще ходить на склады к маме, присматривался, как она работает с документами, общается с людьми. Особенно мне нравилось, когда к ней приезжал давать советы дядя Ваня. Я старался быть в это время с мамой и внимательно вникал в дядины советы. Потом всё это нам с мамой очень пригодилось.

Дядя Ваня приезжал или на велосипеде, или на пегом коне-иноходце, приданном ему по статусу директора. И привозил нам с Эдиком что-нибудь вкусненькое.

Иногда я катался на дядином велосипеде, но поскольку я на нём не доставал с седла до педалей, я просовывал одну ногу под рамой и в таком кривобоком положении крутил ими. Непередаваемый восторг!

Иногда я катался и на иноходце. Он всегда был смиренным, послушным и покорно шёл туда, куда я направлял его уздечкой.

Как-то мама от имени дирекции попросила меня раздавать (развешивать, разливать и так далее) всё, что поступает в адрес сотрудников бесплатно. Сейчас это называется гуманитарной помощью. Дирекцию базы привлекало, я полагаю, моё бескорыстие в деле резки стёкол и моя недетская сметливость.

Такой бесплатной раздаче подлежали в основном продукты: развесные чай, сахарный песок, сухофрукты, разливные хлопковое масло и даже местное сладкое вино.

Интересно, что я как бы ни тщательно всё и для всех ни взвешивал и не разливал, у меня всегда что-то оставалось «лишнее». Видно, не все нуждались в такой благотворительности.

Я знал одного такого богача с польской фамилией, который, как и мама, был завскладом и за мамой, этот гад паршивый, ухлёстывал.

Но однажды к нам пришла беда. Мы с мамой отправились в предгорье забрать пшеницу на грузовике с наращенными до уровня кабины бортами: мешков не хватало, их использовали лишь для взвешивания зерна на весах, а потом его высыпали в различные ёмкости. Такой «ёмкостью» был и наращённый кузов нашего грузовика.

Пшеницы нам насыпали по самые борта, а поскольку место пассажира в кабине заняла узбечка с больным ребёнком (их надо было завести попутно в больницу города Китаб, мимо которого мы проезжали на станцию), мы с мамой улеглись прямо на зерно в кузове.

Всё бы ничего, но ехавшая с приличной скоростью наша машина резко затормозила перед какой-то рытвиной на дороге, отчего маму, лежавшую на зерне ближе к кабине, снесло с зерна сначала на капот, а потом и под колёса машины. Хорошо ещё, что она остановилась.

Мама дико закричала от боли, мы с трудом втроем (я, шофёр и женщина) погрузили её в кузов и дальше ехали тише некуда.

На базе, как и в больнице города Китаб, куда мы заехали, мама категорически отказалась от госпитализации, её на этой же машине подвезли к нашему дому и с помощью подошедшего директора Копейкина (помню его фамилию!) бережно отнесли в квартиру.

Мама сказала директору, что никому не может доверить склады, только своему сыну Гере, – он знает эту работу.

– Ну что ж, – сказал мне директор Копейкин, – забирай ключи, садись в эту злосчастную машину и едь на ей (грамотность!) на базу. Если что – обращайся.

На базе, пока мама болела, мне пришлось вспомнить уроки, которые давал маме дядя Ваня.

Особенно он обращал внимание на то, что нельзя ставить нагружаемую и разгружаемую машину так, чтобы к ней можно было подойти со стороны невидимого для тебя борта, – пусть лучше одним бортом машина будет прижата к стене, а кузовом повёрнута в твою сторону.

А с узбеками-грузчиками надо быть настойчивыми и не уступать им ни в чём, потому в случае конфликта они заявляют, что «рюськи не понимай», хотя всё понимают прекрасно, или начинают угрожать на русском же.

У меня вскоре так и получилось. Я стоял у весов и взвешивал горох в мешках, который потом ссыпали в кузов машины.

Машина стоит одним бортом близко к стене и «задом» ко мне – всё в порядке.

Но что это один из грузчиков всё вертится передо мной, явно пытаюсь закрыть обзор машины? Я молча отодвинул его рукой и увидел, что один из грузчиков, не донеся мешок с горохом до весов, высыпал его в кузов грузовика.

Я тут же прекратил взвешивание, вызвал охрану и потребовал перевзвесить всё, что было высыпано в машину. А она была почти заполнена зерном.

На меня набросились и с русским, и с узбекским матами, но я сказал, что не подпишу никакие накладные, а охрана машину из базы без моей подписи не выпустит.

Дошло до директора Копейкина. Он, выслушав меня, приказал весь горох перевзвесить и вернуть на склад, а машину обратно отправить пустой, – замечательно правильное решение пусть не очень-то грамотного директора Копейкина! Я его прямо-таки зауважал.

При новом взвешивании в машине оказались восемьдесят килограммов «лишнего» гороха – как раз полный мешок. Вот так!

Мне в награду за мою бдительность предложили выбор: или сто пятьдесят рублей, или поросёнка из свинофермы, которая была при «Заготзерно».

Я, конечно, согласился на поросёнка – разве сто пятьдесят рублей в то время были деньги?!

Я поместил своего Ваську (так мы его срочно назвали) в свой курятник, дырку для выхода кур прикрыл кирпичом, а наутро кирпич оказался отваленным, а неблагодарный поросёнок Васька исчез насовсем.

Завершая рассказ о Китабе, скажу, что в школе меня оставили на второй год в шестом классе из-за узбекского языка, по которому я получил годовую «двойку».

А произошло это из-за того, что какой-то идиот выстрелил из резинки и попал учительнице узбекского языка в спину. Она обернулась и зло посмотрела прямо на меня.

– Ты стрелял? Нет? А кто? Не знаешь? Понаехала тут всякая тварь – не пройдёшь!

Тут я вскочил, закричал, что за «тварь» она ещё ответит: вот придёт мой отец с войны, он её расстреляет! Сама тварь! И выбежал из класса.

Перед отъездом из Китаба в воскресный день, когда в школе никого не было, я написал своим алмазом снаружи на стекле окна кабинета директора школы (каюсь!) одно неприличное русское слово из трёх букв. На всё стекло!

Теперь ему придётся вставлять новое стекло – это краской не замажешь, всё равно будет видно моё «художество». Око за око!

И последнее, уже лирическое. Перед отъездом из Китаба в Москву летом 1945 года мы с Валею Полозовой поссорились, и она сказала, что не придёт на станцию провожать меня. И не пришла.

Но на вершине холма, который дугой огибала железная дорога и на который мы часто приходили встречать и провожать поезда, стояла Валя, – я увидел её из окна поезда. Она прощально махала платочком.

Вот и всё – оставил я своё детство в Китабе.

Глава 4-я: Москва и школа

Когда мы приехали в Москву, отец поселил нас вначале у Лидии Степановны Анохиной, его родной сестры, которая вместе с мужем и дочкой жила в коммунальной квартире по адресу улица Осипенко, дом 35. Комната у Анохиных была метров 20, все мы, Петраковичи, спали на матрацах на полу, тётя Лида с мужем дядей Володей – на единственной кровати, а их шестилетняя дочь – на детской кровати.

Дядя Володя был инвалидом войны: получил осколочное ранение в правый коленный сустав, отчего нога стала негибаемой в этом суставе.

Я помню, как дядя Володя ночью, вытянув негибаемую ногу, перебирался через тётю Лиду, когда его пришли арестовывать из НКВД. Но сначала они у всех потребовали сдать оружие. Я замер: я знал, что у отца под подушкой лежал парабеллум, – он привёз его с войны.

Но пришедшие только прощупали под подушкой на постели Анохиных, и арестованного дядю Володю увели.

Дядя Володя, несмотря на инвалидность, работал управдомом. Как-то к нему пришли жильцы с жалобами, что у них протекает крыша, лестницы чуть живы, наружные двери отваливаются, – в общем, нужен капитальный ремонт.

На это дядя Володя ответил, что денег у него на капитальный ремонт не было, нет и не будет: «сверху» не дают.

А на вопрос жильцов, что же им тогда делать, ответил: вот будут скоро выборы, вы и заявите на своём участке, что не пойдёте голосовать, пока им не пообещают в скором времени сделать ремонт в их доме.

Кто-то из недовольных жильцов и «капнул» на дядю Володю «куда следует».

Но, как ни странно, дядю Володю скоро отпустили: видно, посчитали не врагом народа, а просто дураком. Умные враги так «в лоб» не работают.

А, может, и по другой причине, потому что, подвыпив, он хвастался, что у него теперь есть к кому обратиться, если надо, но к кому – не говорил. Я сейчас думаю, что его завербовали, «куда следует» и «кто следует».

Я записался в школу номер 518, она была недалеко на Садовнической набережной в четырёхэтажном здании довоенной постройки, под окнами школы протекал уложенный в бетон водоотводный канал.

В школе меня проверили и определили опять в шестой класс: знания, полученные в Узбекистане даже в русской школе, не позволили комиссии направить меня в седьмой.

Но я всё равно не тужил: после шестого класса я собрался поступать в ремесленное училище – там хоть как-то кормили, потому что мы опять, после сытных китабских хлебов, начали голодать: отец получал зарплату небольшую, мама болела после полученной травмы и не могла работать, а мы с Эдиком росли и хотели есть.

А Эдика определили в первый класс в школу №519 – она была на той же улице Осипенко, но на другом, дальнем от нас, её конце.

Я, как старший брат, ходил в эту школу разговаривать с учителями о своём младшем брате.

В этой школе однажды произошло «ЧП»; какой-то восьмиклассник или девятиклассник (но не выпускник) написал на классной доске мелом и крупно: «АНАРХИЯ – МАТЬ ПОРЯДКА».

Что тут началось! Искали в школе банду молодых анархистов – перешерстили кого только могли, директора и завуча сразу уволили.

На этом постепенно всё успокоилось: может, «местные» под благовидным предлогом хотели просто убрать школьное начальство?

В нашей школе шестиклассники почти все были переростками: ведь мы пошли в первый класс в восемь, а не в семь, как сейчас, лет, к тому же некоторые из-за войны пропустили кто год, а кто и два, – такое не было редкостью.

Класс негласно делился на «аристократов», «плебеев» и совсем уж беспросветное «быдло», к которому первоначально причислили и меня, но я, бывший детдомовец, сумел отстоять свою независимость, и не только кулаками, которых некоторые стали побаиваться, но и из-за своей сметливости и грамотности.

Костя Невлер, ставший в последствии художником-карикатуристом и нарисовавший мой первый (и последний – больше на меня художников не нашлось) портрет, сочинил на меня такую вот ядовитую эпиграмму:

*Как лев бросается Петрак
В любой бардак и драку.
Хоть силы много, а дурак –
Ума бы вместо сил Петраку!*

Это хорошо, что класс признал меня сильным. Но, кроме силы, я поборол свой класс и удивительной для моего возраста грамотностью: я писал диктанты, изложения, а потом и сочинения, почти без единой ошибки, причём ещё в школе «проклянулся» мой в будущем писательский дар, который и сейчас позволяет мне (не хвалюсь!) свободно и раскованно писать о своей судьбе.

А «аристократами» в нашем классе были прежде всего Витька Фогельсон и Алик Жищенко, – будущий математик (это я об Алике), профессор, который ещё в школе в полной мере владел немецким и английским языками: говорил, читал и даже писал на них.

Мы думали, он станет известным академиком, но он стал только доктором наук и широкую известность так, к сожалению, и не приобрёл.

А Витька Фогельсон был сама ходячая энциклопедия: казалось, он знал всю литературу, которая существует в мире – и отечественную, и зарубежную, и новую, и древнюю. Причём не поверхностно, а с анализом и собственным отношением.

Я, честно говоря, ходил за Витькой «как хвостик», и впитывал в себя, как губка, всё, о чём бы он ни говорил. Мне таких знаний не хватало.

В 1951 году после окончания школы Витька поступал в известное в Москве МГИМО, которое «куёт» дипломатов, написал сочинение на «пять» – единственный из всех абитуриентов, но через несколько дней ему вернули аттестат зрелости без каких-либо объяснений. Пресловутый «пятый пункт»! «Пять наступило на пять»!

Но тогда же Витька поступил на редакторский факультет полиграфического института, с блеском окончил его и стал одним из самых востребованных редакторов среди профессиональных писателей, поскольку он, как редактор их произведений, выдавал им надёжную путёвку в жизнь.

К сожалению, Виктор уже ушёл из жизни. Он не был моим другом (так, кстати, я назвал и один из своих рассказов много позже), но, пока живу, я буду всегда помнить об этом высокого ума человеке. Светлая ему память!

Были в нашем классе, конечно, и другие «аристократы», но о некоторых за давностью лет я не помню, а о других, завистливых и подлых, как один из них, почти шестьдесят лет «опекавший» меня, а на самом деле мешавший мне жить по своему разумению, – о таких я и вспоминать не хочу. И не буду.

Но я всегда с великой благодарностью вспоминаю Надежду Васильевну Косареву, которая преподавала у нас математику до восьмого класса включительно и одновременно была нашей классной руководительницей.

Она была уже немолодой и одинокой женщиной, и вся её жизнь, по-моему, была сосредоточена на классе и школе.

Сначала я по математике получал одни колы, но, узнав мои успехи в грамматике, Надежда Васильевна сказала мне, что такой грамотный мальчик, как я, не может не овладеть и таким прекрасным предметом, как математика, – и стала со мной усиленно заниматься, оставаясь даже после уроков.

И вскоре я почувствовал в себе уверенность по математике и даже стал получать по ней пятёрки.

Надежда Васильевна с улыбкой сказала мне, что ей нравится мой характер: он мягкий, но гибкий и устойчивый, как у оловянного солдата.

И действительно: сколько я в своей малой ещё жизни уже стоял на одной ноге, как оловянный солдатик, на краю пропасти, но ведь не упал, не сломался и даже не скурвился!

Но в девятом классе мои успехи в математике потускнели – и всё из-за другого преподавателя математики по имени Михаил Михайлович. Он говорил с учениками мягко и уменьшительно: «ну–у, за такой ответик, миленький, я могу вам спроектировать в журналчик только двоечку», и тому подобное.

Как-то раз, положив руку на моё плечо («плечико») и прохаживаясь со мной по коридору, он доверительно сказал мне, что, зная мои успехи в литературе (а меня к этому времени в школе признавали чуть ли не начинающим писателем), и это определяет моё будущее, я с математикой могу дальше не напрягаться: троечка мне всегда обеспечена.

Так и вышло: в моём аттестате зрелости стояла постыдная тройка по математике. А я чувствовал себя предателем по отношению к Надежде Васильевне, столько трудов и заботы вложившей в меня.

Но когда некоторые из нас после успешной сдачи вступительных экзаменов в институты пришли в свою школу доложить нашим учителям об этом, Надежда Васильевна, увидев меня, прямо расцвела и поцеловала меня в щёчку.

– Молодец, Гера! Хорошую ты себе выбрал профессию! А я так стремилась стать врачом, но не получилось ...

И теперь я думаю о Надежде Васильевне: а не была ли она родной сестрой того самого знаменитого в своё время Александра Васильевича Косарева, Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, которого безжалостно расстреляли по приказу Сталина?!

Если это так, тогда понятно, почему «не получилось» ...

Этого прекрасного человека и педагога уже нет среди нас. Но посеянная ею доброта к человеку будет жить вечно в нас, в её идеологических детях, в наших внуках и правнуках,

– и так это всё дойдёт до энергоинформационного поля в «составе» ноосферы по Владимиру Ивановичу Вернадскому, которые существуют в реальности, и я это постараюсь доказать.

И ещё добавление к моему детству и юношеству в Москве.

В 1946 году мне исполнилось 14 лет, пора было получать паспорт, но у меня сохранились лишь метрики на Виталия Калугина, которые были для меня неприемлемы.

Всё-таки на всякий случай я взял их с собой в паспортный стол Кировского района, а сам написал заявление о выдаче паспорта без метрик, так как метрики были утрачены во время войны.

Мне без всяких препятствий оформили паспорт на имя Петракович Георгий Николаевич, тем самым я стал для себя же ещё и крёстным отцом – ведь мог бы назвать себя как захотел: хоть Виталием. Или Иваном.

По дороге на улицу имени Обуха, дом №3, где я жил, я остановился на Устьинском мосту, достал метрики на фамилию Калугин, разорвал их на мелкие кусочки над водой и завершил свой ритуал словами «пошёл ты...!»

Я никогда не напрашивался в сыновья к Калугину В.С., но было дико осознавать, что в тяжелейшей ситуации, когда твоему родному сыну грозит реальная опасность, ты, его отец, отказывающийся ему хотя бы в помощи, – каким ты даже сам перед собой предстаёшь тогда? Извергом? Сыноубийцей?

И это в то время, когда чужие и даже совсем незнакомые люди, именно **ЛЮДИ**, стараются помочь твоему бедствующему сыну?

Каково было осознать мне всё это, десятилетнему мальчишке, узнать одновременно, что Николай Степанович – мне отчим, а ты, которого я в жизни никогда не видел, – мой родной отец, безглаголиво отвернувшийся от меня?

Вот и получи в конце концов ты от меня то, что ты заслужил: моё презрение и остервенелый плевок в твою морду!

И всё – о Калугине больше ни слова. Чёрт с ним. Аминь!

Глава 5–я: институт и хирургия

В конце июня 1951 года я собрался было поступать в педагогический институт имени В.И. Ленина, чтобы стать литератором, а потом и писателем, но задумался: для будущего писателя необходимо не знание литературных и педагогических приёмов, а знать человека изнутри, даже его физиологию, как знал её, например, мой любимый Антон Павлович Чехов, окончивший медицинский факультет Московского университета.

Теперь этот факультет стал 1-м МОЛГМИ – Первым Московским ордена Ленина Медицинским Институтом имени И.М.Сеченова. В наше время – это уже академия.

И я решил поступать в этот институт.

Для сочинения я выбрал девиз «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Написал это опус с пафосом и грамотно, за что получил 5.

На экзамене по химии я сидел рядом с курносенькой миловидной девушкой, которую звали Аллой. Она запуталась в решении и чуть не плакала.

Я помог ей, но по времени не успел выверить своё решение, и в итоге она получила 5, а я 3.

Если бы не последние две четвёрки по другим предметам, я бы не поступил в институт и загремел бы в Армию, – ведь мне было уже 19 лет!

Алла стала на весь период моего студенчества предметом моих сердечных волнений, но, как и всегда до этого, безответных.

И лишь на последнем году учёбы в институте я встретил свою любовь Валерию Евгеньевну Пиотрович (почти Петракович!), и живём с ней в счастливом браке уже больше 55 лет, нажив при этом двух прекрасных сыновей, внучку и уже двух правнуков.

Учился я средне, но с интересом, «хвостов» не делал и студенческую стипендию, слава Богу, получал.

Со мной на одном курсе учились такие ставшие потом известными, но по другой части, люди, как Лифшиц и Левенбук, Аркадий Штейнбок (ныне Аркадий Арканов).

А знаменитым медиком стал, безусловно, всеми нами горячо любимый ещё со студенческих лет и остающийся им по сию пору наш Саша Коновалов, ныне знаменитый нейрохирург, уже больше тридцати лет как возглавляющий институт нейрохирургии имени Н.Н.Бурденко.

Саша, будучи сыном академика РАН, стал тоже членом наших двух российских академий – РАН и медицинской, имеет множество государственных наград и премий, прекрасно владеет английским языком, но всегда скромен, трудолюбив и доброжелателен. Крепкого тебе здоровья, дорогой Саша!

А меня если и помнят ещё мои однокурсники, то по публикации ещё в первый же год учёбы в четырёх номерах институтской многотиражки «За медицинские кадры» моей повести «Лёд тронулся».

В ней рассказывалось о формировании студенческой группы в медицинском институте, о сложных отношениях между студентами в ней: ведь в группе были и бывшие фронтовики, и совсем зелёная молодёжь, и как и почему всё-таки «лёд тронулся».

Герои повести были узнаваемы даже по фамилиям: Пчелинцева была названа «Пчёлкиной», Борис Завидонов – «Борисом Задоновым», и так далее.

Повесть читали с интересом, на меня приходили «посмотреть» даже с другого потока (курс был разделён на два потока), обсуждалась в отдельных группах преимущественно с общей положительной оценкой, но и отмечались недостатки: наивность, примитив, – об остальных я по скромности умолчу.

Эта повесть вместе с другими рассказами, напечатанными после в многотиражке, вместе с ещё и рукописными были мной в последующем (в 1958 году) представлены на творческий конкурс в Литературный институт имени А.М.Горького.

И я победил на этом конкурсе, где на одно место претендовало 38 абитуриентов, а Эдуард Володарский, будущий известный кинодраматург, этот конкурс не прошёл!

Правда, Эдик (я был с ним тогда знаком) на следующий год поступил во ВГИК и благополучно его закончил.

Сдав весеннюю сессию, я обычно на все летние месяцы уезжал в пионерские или детские туристические лагеря работать пионервожатым или инструктором – и сытно, и денег можно прикопить на одежду и обувь к зиме.

Было, конечно, трудно жить вот так – без отдыха, а что поделаешь ... Послевоенное время!

Однажды в лагере я заработал на часы «Победа» – кто-то по дешёвке мне их продал, потом, когда я на пятом курсе женился, я эти часы заложил в ломбарде за 200 рублей, и на эти деньги мы с женой и справили свою свадьбу.

Из тех времён самым запоминающимся и самым трагическим моментом была смерть И.В.Сталина и всё, что этому предшествовало.

Меня почему-то озадачивала мысль, а как же теперь назовут в честь усопшего вождя Москву: ведь все варианты, связанные с именем Сталина, уже были использованы: и Сталинград, и Сталино, и Сталинск, и даже Сталинобад ...

Но, конечно, больше всего меня мучила мысль, что же будет с нашими врачами, прежде всего с профессорами нашего института, в основном евреями, которых уже обвинили врагами народа и которым грозила смертная казнь? Неужели не пожалеют: расстреляют?!

Даже если они виноваты, сколько бы жизней они могли бы ещё спасти, если бы им сохранили жизни!.. Значит, перед судом стоит не задача обезвредить здравоохранение и дать возможность ценным вредителям исправиться, а нечто другое – месть! Но тогда – за что?!

А ведь на всех собраниях всех курсов института все мы – и студенты, и преподаватели, – проголосовали единогласно за смертную казнь нашим профессорам!

Правда, через два–три месяца после этих институтских собраний один за другим наши приговорённые профессора

вставали за свои кафедры в нашем же институте, – справедливость восторжествовала!

Тем не менее, в застенках КГБ погиб один из братьев Коганов – тоже профессор нашего института.

Был ещё один политический шум в нашем институте, связанный с преподавателями. Какие-то люди через газеты требовали увольнения и предания суду доцента кафедры патологической физиологии Ивана Ивановича Пулина, который во время войны попал в плен и был не только в немецком концентрационном лагере, но даже и служил в нём.

Таким, утверждали эти люди, не только место в институте, таких, как Пулин, надо увольнять и судить!

Но тогда за Ивана Ивановича Пулина, которого я лично знал и уважал, вступилась масса людей: и в нашем институте, и особенно те, кто бедствовал с ним в концентрационном лагере.

На самом деле он в этом лагере служил врачом и спас сотни и сотни людей от верной гибели, поэтому заслуживает не только место своей настоящей работы, но и государственной награды!

Слава Богу, отстояли доброе имя врача!

Под конец третьего курса я стал ходить на ночные дежурства в больницу имени С.П.Боткина и институт имени Н.В.Склифосовского. Сначала мы появились в этих лечебных учреждениях в качестве экскурсантов для ознакомления с постановкой всей скорой медицинской помощи в Москве, хотя в распоряжении нашего института была точно такая же больница №23 на Яузе.

Было неплохо, что на ночные дежурства в этих больницах в будние дни, а в воскресные и праздничные дни на весь рабочий день для дежурного персонала из больничной кухни выделялась еда, и предназначалась она всем, кто в этот день или ночь дежурил.

Для меня, вечно голодного студента, это было большим подспорьем.

В основном мы, студенты, работали в операционных, убирая в них после операций или готовя освободившиеся

столы для новых операций, и ещё в подвалах, подвозя по ним больных из приёмного отделения в определённые операционные, развозя больных после операций по палатам, а то и, к сожалению, в морг.

Тех из санитаров–студентов, кто проявил сноровку, интерес к специальности хирурга, со временем допускали и к ассистенции в операциях, а наиболее «продвинутых» в этом деле – даже к выполнению отдельных этапов операции.

Я, окончательно решив для себя стать хирургом, очень быстро осваивал все навыки не только санитаря, перевязочной и даже операционной сестры, но и хирурга по экстренной хирургии, что довольно быстро, ещё на третьем курсе, стал таким «продвинутым», что мне стали доверять и отдельные этапы полостных операций, и хирургические обработки ран.

Однажды, уже на пятом курсе, когда я самостоятельно выполнял аппендэктомию, к моему операционному столу подошёл известный в стране профессор, дежуривший, как было положено для всех профессоров без исключения, «ответственным хирургом», и заинтересованно спросил меня, не слишком ли маленький разрез я делаю при аппендэктомии у больной, живот у которой свисает с операционного стола?

Я ответил, что нет, не маленький. Потому что живот может быть и очень большим, но слепая кишка со своим червеобразным отростком всегда и во всех случаях остаётся в правой подвздошной ямке, подход к которой определяется через «спина илиака anteriор супериор декстра» – правую переднюю ость подвздошной кости, от которой надо отойти косо и кнутри на полтора поперечника пальца.

Объясняя все это, я продолжал оперировать, вскрыл апоневроз, раздвинул зеркалами мышцы, надсёк брюшину между двумя зажимами, из брюшной полости показался гной и тут же в рану вылез флегмонозно изменённый отросток.

Мэтр удовлетворённо хмыкнул и отошёл от стола. Потом мне передали его лестный отзыв обо мне: этот парень хорошо работает не только руками, но и головой.

В те годы, когда я учился, исключительно редко применяли эндотрахеальный наркоз. А чаще всего местную

анестезию и масочный наркоз, реже – спинномозговую анестезию, отличающуюся от современной перидуральной анестезии тем, что анестетик вводят не рядом с мозговым каналом, а в просвет самого канала.

Такая анестезия была опасна тем, что если голова больного находится на одном уровне с телом, тем более, если её уровень ниже уровня тела, возможно затекание анестезирующего вещества в верхние отделы спинного мозга и остановка дыхания у больного при этом. «Запустить» дыхание у такого больного вновь достигалось очень редко.

Но я так ловко научился попадать иглой в спинномозговой канал – лучше многих анестезиологов, что даже анестезиологи часто просили меня сделать это за них.

Это умение делать спинномозговые пункции привело меня к курьёзному случаю.

Когда в 1957 году, окончив институт, я приехал работать хирургом в город Истру в Подмосковье, где жили родители моей жены, место хирурга в истринской районной больнице было уже занято, и мне предложили поработать, пока всё «не утрясётся», невропатологом, – дескать, знания у меня свежие, справишься.

Чуть ли не в первые дни я поставил такой сложный диагноз, как туберкулёз мозга, для подтверждения которого сделал спинномозговую пункцию и отправил пунктат в пробирке вместе с больным в МОНИКИ – научно-исследовательский и консультативный центр Московской области.

Вскоре туда же я отправил другого больного с диагнозом «боковой амиотрофический склероз» – редчайшее заболевание.

И вот финал. В Истру специально ко мне приезжает профессор–женщина, заведующая кафедрой неврологии в МОНИКИ, чтобы пригласить меня в качестве аспиранта в её клинику.

Мои диагнозы оказались точными, а моя спинно-мозговая пункция, выполненная в условиях обычной районной больницы, ввела их просто в шок: для таких пункций они приглашают специально обученного этому делу нейрохирурга

из соседней клиники, а тут молодой парень, начинающий простой хирург...

Но я на лестное предложение профессора вежливо, но твёрдо отказался: я вижу своё призвание в хирургии, и только.

Но поработать хирургом в Истре мне так и не удалось, но славу знающего, доброго и отзывчивого врача я в этом городе завоевал.

Ещё когда я проходил летнюю практику в истринской больнице в 1955 году, когда и познакомился, между прочим, со своей будущей женой, заведующим отделением был тогда Александр Александрович Маков, опытнейший специалист и добрейший человек, всецело поверивший в мои хирургические способности и готовивший себе замену в моём лице, поскольку ему уже тогда было семьдесят лет.

В знак доверия ко мне он оставил меня, ещё студента–практиканта, на целый месяц заведовать его отделением, а сам ушёл в отпуск.

Он знал, что я его не подведу, но надо было, чтобы в этом убедился бы и главный врач.

Но главный врач не стал ждать меня ещё два года и принял на «моё место» другого хирурга.

Судьба этого хирурга оказалось печальной, он спился и, в конце концов, умер буквально под забором в той же Истре.

Когда я остался заведовать хирургическим отделением, мне предоставили отдельную комнату прямо на территории больницы, и буквально на следующий же день я свершил, по мнению акушера-гинеколога и фельдшера родильного отделения, настоящий подвиг.

А было так: я иду по больничному двору в «своё» хирургическое отделение, как вдруг с крыльца родильного отделения раздаётся истошный крик акушерки:

– Георгий Николаевич! Быстрее к нам! У нас неотделение последа, женщина погибает!

Я мигом примчался в отделение, смазал по локоть правую руку йодом, засунул её в кровотокающую матку и стал ребром ладони мягко отделять послед от стенки и

одновременно массировать на кулаке матку, заставляя её сократиться, со стороны живота одновременно помогая себе левой рукой.

В родильном отделении меня хорошо знали, поскольку я у них совсем недавно проходил практику по указанной специальности.

Всё кончилось благополучно, послед был удалён, матка сократилась и потом, когда рожавшая женщина выписывалась из отделения, меня с ней, с её ребёнком и акушеркой сфотографировали на пороге этого отделения. Помнится, эту фотографию поместили даже в местной газете.

В Красногорском райздраве (город Истра тогда входил в состав Красногорского района) мне предложили должность хирурга-онколога с подготовкой на шестимесячных курсах в областном онкологическом диспансере, который находился в городе Болшево (ныне эта территория стала частью города имени С.П.Королёва).

Я согласился на это предложение, поскольку уехать я никуда не мог: у меня к тому времени родился первенец – сын Коля.

Но прежде чем расстаться с Истрой, хочу рассказать о ней ещё кое-что.

Ещё когда я был на практике в Истринской больнице, мудрый Александр Александрович Маков дал мне, тогда ещё молодому, наказ: никогда не обижай стариков и дружи с аптекой.

Я вообще никогда не обижал и не обижаю стариков, но в Истре, когда работал невропатологом, делал старикам различные массажи, часто навещал их и на дому, хотя это дело – больше участковых врачей. Вообще всячески платил им уважением и вниманием, и это сказалось на моём имидже, как сейчас сказали бы, врача в городе.

Бывало, заходишь в магазин – а там, как всегда, очередь, но какая-нибудь бабушка или какой-нибудь дедушка обязательно опознают тебя и громко, для всех, говорят, что это наш новый молодой доктор, он спешит, ему надо без очереди.

Мне было неловко, я, конечно, отказывался, но такое к тебе отношение простых и незнакомых людей было приятно.

Мало того, мне на приём стали приносить и подарки: в основном, это были домашней выпечки пироги, свежие яйца, мёд, яблоки и клубника с огородов и так далее, но всё это добро я отдавал медсестре, которая работала со мной на приёме.

Узнав об этом, больные стали приносить эти свои подарки моей тёще, которую в маленькой тогда Истре знали все – они с моим тестем приехали в этот город ещё в конце двадцатых годов.

Вообще же Истра - старинный город Подмосковья, славный хотя бы тем, что на его территории расположен Ново-Иерусалимский монастырь, тогда, в ранние послевоенные годы, стоявший разрушенным и невосстанавливаемым.

В кельях монастыря открыли тогда баню, куда мы с тестем ходили мыться.

Раньше этот город назывался Воскресенском, и в той больнице, в которой начал свою врачебную деятельность я, начал работать врачом и Антон Павлович Чехов. Здесь он написал известный рассказ «Хирургия».

Какой рассказ написал в этом городе я, который был опубликован в газете «Московский комсомолец», я из скромности умолчу. Посчитаем, что старая Истринская (Воскресенская) больница обладала свойством вызывать у некоторых врачей, работавших в ней, «позыв» к творчеству.

В Истре Антону Павловичу Чехову поставлен памятник, как, между прочим, и Александру Александровичу Макову.

Не приглянулся я, правда, соседям моей тёщи по улице Рябкина, где жили мои новые родственники.

Против моей красавицы жены я им показался низковатым (всего 1м.70см. роста), хромым (мне перед приездом в Истру удалили повреждённый мениск в правом коленном суставе), к тому же ещё и очкарик, и лысоват.

Ну что ж, какой уж есть ... Тем более, не я выбирал, а меня выбрали.

И вот я в областном онкологическом диспансере в Болшеве, в котором царь и Бог – классный хирург, доктор медицинских наук Александр Семёнович Лурье.

Я в своей богатой и разнообразной хирургической практике повидал работу многих хирургов, в том числе и самых знаменитых в то время, но ни разу не встретил среди них такого изящного, тонкого, ювелирного и «бескровного» (специалисты меня поймут, что я имею в виду, когда говорю о «бескровном» хирурге) мастера своего дела, как беспредельно мной чтимый незабвенный Александр Семёнович Лурье.

Он заранее глубоко продумывал весь ход операции – до самых мелочей.

Вот в самом начале операции по поводу рака кардиального отдела желудка (верхней его части) он повесит на держателе (зажиме) длинную лигатуру (нить), которая тебе, ассистенту, кажется ни к чему, она даже мешает тебе качественно помогать оперирующему хирургу, а потом оказывается, что эта длиннющая лигатура нужна для закрепления анастомоза (соустья) пищевода с оставленной частью резецированного желудка, и именно в той его задней части, где чаще всего возникает так называемая «недостаточность анастомоза», то есть, попросту говоря, в соустье, если бы Лурье не предусмотрел наложение своей длиннющей и противной лигатуры, в последующем могла бы возникнуть недостаточность («дырка») со всеми вытекающими из этого печальными последствиями.

Александр Семёнович часто использовал для надёжной фиксации такой лигатуры ткань пересечённого блуждающего нерва, предварительно «убив» его инъекцией спирта (иначе всю оставшуюся жизнь больной будет непрерывно икать).

Делается такая «завязка» потому, что иначе мышечная ткань пищевода, не покрытая брюшиной, оказывается рыхлой, она «ползёт» и лигатура на ней часто не удерживается.

Полостным хирургам, «работающим» на грудной и брюшной полостях, особенно последним, приходится часто «мобилизовать» больной орган, то есть отделять его от здоровых тканей, оставляемых в организме. Многие хирурги

просто «отстригают» ножницами большой орган или часть его от здоровых тканей, но у Александра Семёновича была в этом деле особая тактика. Я бы назвал её изящной.

Заключается она не в стрижке тканей ножницами (хирургия – это не парикмахерская!), а в расслаивании тканей с помощью пинцета и слегка изогнутых длинных хирургических ножниц, которыми слой за слоем в полусомкнутом состоянии отделяешь слой от слоя движением ножниц «на себя».

При этом в пальцах и в кисте руки со временем вырабатывается особая чувствительность к этим тонким движениям, и если «на пути» ножниц попадается сосуд, нерв или какая другая плотная ткань, рука сама останавливается и решается вопрос, как поступить с препятствием: скоагулировать (прижечь электрическим током) и затем пересечь, если это сосуд, обойти и сохранить, если это нерв, – и так далее.

После такой препаровки оставляемая ткань оказывается гладкой и блестящей, а не рыхлой и кровоточащей, если живую ткань просто стригут ножницами.

После долгих тренировок и терпения от неудач я овладел такой же профессорской препаровкой, чем не раз удивлял своих коллег.

Но для этого мне тогда пришлось кое-чем поступиться, и даже существенным. Ведь молодым мужчинам всегда хочется выглядеть мужественными, с накаченными бицепсами и могучим торсом.

В начале своей хирургической деятельности я тоже увлекался тяжёлой атлетикой: «тягал» гири и гантели, подолгу тренировал бицепсы эспандером, и вдруг стал замечать, что в моих пальцах и кистях рук стала исчезать плавность и мягкость движений, которыми я так гордился, а операционное поле оставлял за собой не гладким и блестящим, а взрыхлённым.

Александр Семёнович, увидев однажды такую мою работу, только хмыкнул: «Пашете? Ну–ну...», и отошёл от стола.

Но одного такого замечания Учителя было для меня достаточно, чтобы немедленно оставить тяжёлую атлетику и быстро восстановить прежнюю операционную технику,

В студенческие годы мне приходилось наблюдать работу за операционным столом профессора Николая Николаевича Еланского. Он был гигантского – за два метра – роста и оперировал обычно сидя. Это поневоле вызывало во мне образ огромного коршуна, склонившегося над своей жертвой, хотя, в общем, он был неплохим хирургом.

Но вернусь к Александру Семёновичу. Во всесоюзной онкологии доктор медицинских наук А.С.Лурье был заметным явлением: он не только много и прекрасно оперировал, но и часто печатал статьи в таких журналах, как «Хирургия», «Вестник хирургии», в различных сборниках, и во всех случаях он пользовался только своим личным операционным «материалом», добытым собственными руками, но никак не нашими, его учениками и сотрудниками.

Нас это обижало, и однажды мы с Еленой Серебряковой, тоже хирургом–онкологом, решили проверить, а не подтасовывает ли наш Семёнович статистику прооперированных им больных за указанный им в статье срок.

Проверили по операционным журналам, и нам стало стыдно: всё сошлось один к одному.

При исключительной собранности во время операций Александр Семёнович был в жизни странно рассеянным человеком: то он, надев халат, выходит из операционной в коридор без брюк, с резинками для носков, как тогда носили, и операционным сестрам приходилось возвращать его назад.

То как-то он направился в Москву на электричке, забыв на голове белую операционную шапочку. Так бы и доехал до Москвы, если бы это не увидела одна наша санитарка.

Как всегда, проходя из дома мимо больницы по дороге на станцию, он непременно заходил в своё отделение посмотреть некоторых больных. Или взять из своего кабинета какие-нибудь нужные ему бумаги. Однажды он зашёл в отделение вместе со своей женой. Её он оставил в своём кабинете, а сам пошёл посмотреть некоторых больных.

Возвращаясь, он закрыл свой кабинет на ключ и уехал в Москву.

И лишь оттуда позвонил в отделение, чтобы освободили «из плена» его жену.

Правда, её «освободили» ещё раньше, по её телефонному звонку из его кабинета, но сам факт такого «пленения» ...

Буквально до самой смерти Александр Семёнович ездил на Хирургическое Общество города Москвы, почти не пропуская ни одного. В холодное время года он приезжал на Общество в ботинках с галошами, которые гардеробщики на хранение не брали, и он оставлял их сиротливо дожидаться хозяина в каком-нибудь уголке вестибюля.

Однажды галоши так и не дождались своего хозяина: Александр Семёнович потерял сознание прямо на заседании Хирургического Общества, которое проходило в институте хирургии имени А.В.Вишневского. Его срочно госпитализировали в реанимационное отделение этого же института, но спасти не удалось.

Светлая ему память – прекрасному человеку и Хирургу от Бога!

Но на онкодиспансере в Болшеве я ещё некоторое время задержусь.

Александр Семёнович был в дружбе с одним из изобретателей–профессоров в существовавшем тогда институте хирургического инструментария и оборудования, откуда к нам поступали новинки для отзывов и поправок.

Прежде всего – это были инструменты и аппараты для операций на желудке и кишечнике, в том числе для так называемой передней резекции прямой кишки, при которой остаётся нетронутым анальный жом, сохраняющий больному обычный образ жизни, а не делающий его глубоким инвалидом при выведении кишки на переднюю брюшную стенку.

Применять эти инструменты и аппараты мог каждый хирург-онколог, включая и гинекологов–онкологов, но сохранность и исправность этих аппаратов и инструментов, а

также делать отчёты за их применение Александр Семёнович возложил на меня, и я не возражал. Я даже был рад этому.

В последующем эти знания об аппаратах и умение с ними обращаться очень пригодились мне в других больницах, в которых я работал уже заведующим хирургическим отделением.

До того, как в нашем отделении произошла эта трагедия, о которой я ещё напишу, вышла книга профессора П.И.Андросова из института имени Склифосовского (по-моему, я не ошибаюсь, хотя всё пишу по памяти) под названием «Механический шов в хирургии сосудов», в которой описывался аппарат для наложения сосудистого шва и техника его применения.

И было в этой книге примечание, что такой вид механического шва можно будет, по-видимому, использовать и для сшивания мочеочника, пересечённого, например, при гинекологических операциях.

Александр Семёнович, увидев у меня эту книгу (он, конечно, её уже прочёл – чего он только не читал!), сказал мне, что такие сосудосшивающие аппараты есть только пока в институте Склифосовского и у нас в диспансере, но у нас – только по великому благу.

И вот в конце 1960 года в нашем отделении произошла настоящая трагедия: у нас во время операции погиб больной чисто по вине оперирующего хирурга.

Не буду называть фамилию и даже имя этого хирурга – он был моим другом, его уже нет с нами, но у него остались дети, вероятно, пошли и внуки, – каково узнать им о трагедии, которая случилась в диспансере по вине их отца, деда?!

А была пересечена вся печёчно-дуоденальная связка со всеми содержащимися в ней сосудами и протоками: печёчная артерия, снабжающая кровью печень, печёчная вена, выводящая из печени кровь, пересечён проток, выводящий из печени желчь в 12-перстную кишку, была пересечена и так называемая портальная вена, доставляющая кровь из селезёнки в печень для превращения её в желчь.

Была немедленно вызвана бригада сосудистых хирургов из института Склифосовского. потому что только они могли тогда справиться с возникшей у нас бедой, но когда бригада прибыла, было поздно что-либо предпринимать: больной умер.

И тогда я набрался смелости и сказал, что у нас в диспансере есть такой же сосудосшивающий аппарат, только я не знаю, как его заряжать и накладывать.

Ребята из «Склифа», молодые и прыткие, тут же у умершего больного (да простит он нас за такое кощунство!) выделили поверхностную вену на бедре, пересекли и тут же сшили её своим аппаратом.

Потом я уже самостоятельно долго и дотошно изучил аппарат, научился «на бумажке» накладывать ровное кольцо из танталовых скобок и, наконец, объявил нашим гинекологам–онкологам, что если они пересекут во время операции по Вертгейму мочеточник, я им сошью этот мочеточник уже нашим аппаратом.

И как в воду глядел!

В конце декабря того же 1960 года, когда я консультировал какого-то больного в соседнем корпусе, меня срочно вызвали в операционную: гинекологи пересекли мочеточник!

Рута Ефимовна Кунина, гинеколог-онколог, потом говорила мне: «Мы все в шоке, и вдруг заявляешься ты со своей сияющей мордой со стерильным столиком, на котором лежит такой же сияющий аппарат. И так быстро! Он что, уже был заранее заряжен?»

– А как же! – с гордостью ответил я, – всегда готов! Только вскипятить!

В общем, сшил я мочеточник без всяких проблем, моча без задержек потекла по своему обычному руслу, что подтвердили рентгеновские снимки и цистоскопия, а Александр Семёнович пригласил меня к себе в кабинет по этому поводу.

– Что-то я не помню, что кто-либо описывал сшивание пересечённого мочеточника сосудосшивающим аппаратом. У Андросова говорится только о такой возможности.

Вы знаете что, напишите об этом статью, приложите рентгеновский снимок и рисунок, опишите подробно технику сшивания. Если были какие-либо трудности или особенности по сравнению с сосудистым швом – опишите и их. И всё это пошлите лучше всего в журнал «Акушерство и гинекология» – ведь это случилось в гинекологии. Да и проблема у них с этим осложнением большая. Вас могут напечатать в нём и через год, и через два, спешить они не любят, но всё равно напечатают, и у вас будет интересная пионерская работа.

Я так и сделал, как рекомендовал Александр Семёнович: отправил работу в «Акушерство и гинекология» и был страшно удивлён сообщением из редакции, что моя работа принята к печати и выйдет в № 3 этого же, то есть 1961 года, – всего через один месяц после отправки моей статьи в редакцию!

Конечно, я ликовал и благодарил Александра Семёновича, думаю, и он был рад за меня: в хирургии не так уж часто случается, что ты в чём-то оказываешься первым.

А я действительно оказался в этом деле первым даже в целом мире: американцы в то время ещё не имели у себя такой аппарат, они бессовестно «стырят» его у нас несколько лет спустя, в «Склифе» её тоже не делали, только в Нижнем Новгороде некто Н.С.Баньковский уже сшивал таким аппаратом мочеточники, но делал это в эксперименте и только на собаках.

Не могу не вспомнить ещё один эпизод из моей жизни, связанный с Александром Семёновичем Лурье.

После окончания шестимесячных курсов подготовки я должен был вернуться на работу онкологом в Красногорск, но Александр Семёнович вызвал меня в свой кабинет и спросил: представляю ли я себе работу онкологом в районе? Я честно ответил, что смутно.

– Хирургии у вас там не будет никакой, в лучшем случае – простые биопсии, а вся хирургия сосредоточена у нас в онкодиспансере и в московских больницах. У вас же, у хорошо подготовленного хирурга, будут лишь одни бумажки да неоперабельные, страдающие запущенным раком больные, которым надо выписывать только наркотики. Это вас устроит?

Я ответил, что, конечно, не устроит, но что я могу сделать? У меня же институтское распределение!

Он сказал, что моё распределение он берёт на себя, мне только надо написать заявление на имя главного врача о приёме вас на работу в наш онкодиспансер, – и всё.

Так я к великой своей радости стал хирургом-онкологом.

Не могу не вспомнить ещё о ряде эпизодов из моей жизни, связанных с Александром Семёновичем Лурье.

Года через два работы в онкодиспансере я стал равноправным со всеми остальными хирургами, особенно после успешного сшивания мочеочника, и Александр Семёнович стал доверять мне всё больший объём операций, особенно с применением новейших аппаратов и инструментария, получаемых из уже названного института.

Но вот я, успешно преодолев творческий конкурс и, сдав экзамены в Литературный институт имени А.М.Горького, стал много времени уделять и литературным делам: ходить на творческие семинары, читать специальную литературу даже на основной работе и так далее.

Кроме того, для студентов Литинститута, живущих в Москве или в Подмосковье, был официально введён свободный от основной работы день, а именно вторник, когда мы, новоиспечённые студенты, могли посещать семинары в Литинституте днём.

Я сходил на такой семинар в один вторник, в другой, а в третий вторник Александр Семёнович назначил на операцию моего больного, мною же подготовленного к операции, но в исполнении другого хирурга.

Сначала я стерпел, но когда это же повторилось, я стал умолять Александра Семёновича перенести мою операцию хотя бы на среду, но получил категорический отказ с формулировкой: писатель, чьё имя носит ваш институт, никогда никаких институтов, как известно, не кончал, но стал знаменитым, потому что изучал жизнь в её разнообразии.

Вот вы и изучайте жизнь в её разнообразии, а дилетантство в хирургии я не допущу, потому что вы хороший, не спорю, но ещё молодой хирург, вы должны наблюдать за прооперированным вами больным больше времени, чем остальные врачи, если и дальше хотите иметь хорошие результаты.

Так что выбирайте, нужна ли вам ещё вторая профессия, если первая уже хорошо идёт? Ведь на двух стульях, как ни старайся, не усидишь.

Я подумал – и больше в Литературном институте не появлялся. И никогда об этом не пожалел.

И ещё об одном моём увлечении, связанном тоже с Болшевым, но по другой части, – о гипнозе.

Как-то я приобрёл книжку о врачебном гипнозе, кажется – Свядоша (фамилию точно не помню). Изучил технику гипноза и решил попробовать её на практике.

Для того, чтобы взгляд больного мог сосредоточиться на одной светящейся точке, я взял проводник для ректоскопа (часть аппарата для осмотра прямой кишки), представлявший собой округлую блестящую оливу на металлическом стержне, а для регулируемого источника света использовал осветительную систему от того же ректоскопа с трансформатором, понижающим или повышающим напряжение и тем самым – свет, отражающийся в блестящей «оливе».

Надо сказать, все свои занятия гипнозом я проводил непременно в присутствии какой-либо медсестры и совершенно бесплатно – как говорится, «интереса для».

Первой моей пациенткой, помню, была застенчивая студентка текстильного (или швейного, не помню) техникума, которая хорошо знала изучаемые предметы, но как только она

выходила к доске, у неё наступал ступор, и она не могла произнести ни слова.

Я снял у неё все эти страхи, мало того, внушил, что она будет получать удовольствие от своих ответов. На этом мы и расстались.

Прошло года два или три, как на меня на платформе станции Болшево накинулась двухметровая девица и начала меня обнимать и целовать, приговаривая: это же я, Нина!

Оказалось, Нина блестяще окончила техникум, сейчас учится в текстильном институте, уже стала мастером спорта по баскетболу и собирается выйти замуж.

Вот так счастливо «развернулась» судьба застенчивой девушки не без моей помощи.

Ещё была у меня пожилая пациентка из бывшей на территории больницы колонии (не макаренковской ли?), которая дымила «беломором» как паровоз. В результате этой дурной привычки у неё развилась «мужская» болезнь ног: облитерирующий эндартериит. Я должен был отучить её от курения.

В состоянии гипноза я давал ей несколько раз прополоскать рот слабым раствором медного купороса, чтобы потом, когда она при мне закурит, у неё возник во рту противный вкус старой медной ложки, отвращающий от дальнейшего курения.

Это было вечером, во время моего дежурства, мне «ассистировала» дежурная сестра из хирургического отделения.

Под гипнозом я спросил свою пациентку, как она себя чувствует, она пожаловалась на холод в ногах. Тогда я попросил медсестру принести из палаты, где лежала больная, её одеяло и ещё – таз, ведь у больной должна была начаться рвота, как только она закурит.

Сестра отправилась в отделение выполнять мою просьбу, а была она уже немолодой, неуклюжей и очень полной, и я подумал, что напрасно отправил её в отделение – ведь тепло в ногах я могу вызвать у больной и с помощью гипноза. Что я и сделал.

А в ординаторской, где всё это и происходило, была полутьма: светилась лишь одна «ректоскопическая свечка», и медсестра, когда входила в помещение, прижимая к животу таз, выпустила из-под него одеяло, наступила на него и с грохотом распласталась на полу.

Шум и сотрясение были такими, что к нам прибежали из рентгеновского кабинета, что ещё работал этажом ниже, узнать, какая беда у нас стряслась, поскольку у них даже штукатурка с потолка посыпалась.

Но когда я спросил свою пациентку, слышала ли она какой-либо грохот сейчас, она ответила, что нет, не слышала, а вот тепло в ногах почувствовала. За это спасибо.

В общем, от курения я её отвадил, но лишь на один год. Пришла она ко мне с покаянием, что вот в компании её уговорили закурить – и всё началось сначала.

Я, конечно, отказал ей в лечении – пусть поищет себе другого врача, а я - хирург, и мне этого достаточно.

Но вот ещё один случай из моей практики «гипнотизёра», достойный упоминания уже потому, что меня просил провести сеансы с больным сам Александр Семёнович Лурье.

Он прооперировал одного большого начальника из «предприятия» С.П.Королёва, о котором мы тогда, конечно, ничего не знали.

Операция прошла успешно, но у больного развилась канцерофобия («ракобоязнь»), которую и просил Александр Семёнович снять с него с помощью гипноза.

Я эту просьбу выполнил успешно, между мной и пациентом сохранился дружеский контакт (фамилия мне известна, но называть её по этическим соображениям не буду), и он как-то мне сказал, что к ним на «предприятие» стали приходить молодые и невысокие лейтенантики, примериваются к кабинам. Скоро человек полетит в Космос!

Это разговор состоялся где-то в декабре 1960 года.

Кстати, мой пациент показал мне фотографию праздничной демонстрации на территории «предприятия», на

которой в распахнутом пальто впереди всех шёл теперь всеми узнаваемый Сергей Павлович Королёв.

«А это наш Король!» – с гордостью указал на него мой пациент.

После Болшева я поступил в очную аспирантуру в один из престижных хирургических Центров, и хотя я провёл в этом Центре полных три года, но диссертацию так и не защитил по ряду причин.

Это сейчас можно «набрать» на компьютере текст и потом легко и неоднократно исправлять его, а вот когда ты печатаешь диссертацию на пишущей машинке «Москва» и не имеешь возможности отдать текст машинистке за полным отсутствием средств к этому (твоя стипендия – 65 рублей, больная жена и двое растущих пацанов), это отвращает интерес к науке больше, чем неподъёмная тема («синдром острого фибринолиза в клинической практике») и отношение к аспиранту в этом Центре, как к ломовой лошади, которая может таскать на собственном горбу даже тяжеленные ковры в новые квартиры профессоров или делать для них научные изыскания помимо твоей диссертации и в нерабочее время.

Если к тому же эти изыскания оказывались вдруг напрасными, потому что они-де противоречат взглядам главного оппонента докторской диссертации, которую предстоит защитить твоему шефу.

А ты затратил на эту ставшую «ненужной» работу почти полгода!

Да Бог с ним, с этим Центром и его профессорами, я и без учёных степеней прожил полноценную жизнь хирурга и даже учёного (об этом – ниже), сохранив при этом и свою семью, и самого себя, как оптимистичного, хотя и «неостепенённого» человека.

Теперь я могу совершенно уверенно сказать, что сделанных мной только фундаментальных открытий хватит на несколько сотен и даже тысяч одних лишь докторских диссертаций. Да ещё каких! Ведь хочешь не хочешь, а в конце-концов придётся пересматривать не только всю биологию и биофизику живой клетки (я открыл в ней

совершенно иной источник энергии – мега-высокочастотное электромагнитное излучение в неразрывном единстве с протонным излучением (вместо пресловутой молекулы АТФ), совершенно по-новому представил кровообращение и дыхание, о чём сейчас идут острые дебаты в Интернете, только наши академики молчат. А молчат они потому, что одобрить мои открытия они не хотят, а возразить им - нечем.

Мне уже исполнилось 80 лет, мы с женой переехали в комфортабельную квартиру в Куркино, которую устроил нам младший наш сын Алексей, и сколько Бог разрешит нам в ней прожить, никто, конечно, не знает. Но наши головы ёще, при нашей с женой старческой немощи (мы с ней одногодки) работают пока нормально, а там видно будет.

Перед переездом я подарил своему племяннику Юрию, тоже медику, все двадцать девять томов Большой Медицинской Энциклопедии, сопроводив этот жест словами, что все эти тома придётся заново пересматривать в связи с моими фундаментальными открытиями. И это коснётся не только медицины, но и биологии, биофизики, биохимии, фармакологии, - всего того, что касается живого вещества, то есть живой клетки и живого организма в целом. Так что не зря я жил на этом свете и моя верная Валерия Евгеньевна мне помогала в этом.

Но и она сказала своё слово в науке: она впервые в мире доказала своими исследованиями, что платина окисляется. За это открытие она получила учёную степень кандидата химических наук

Петракович Валерия Евгеньевна, – кандидат химических наук (1965г.), референт Русского Физического Общества (1993г.)

Глава 6-я: моя наука

После окончания очной аспирантуры я поступил на работу на кафедру общей хирургии 2-го медицинского института на 0,5 ставки ассистента кафедры и на 0,5 ставки городской клинической больницы №13, на базе которой и была расположена кафедра.

Руководил кафедрой очень интересный во всех отношениях человек – профессор Юлий Ефимович Берёзов.

Прекрасный хирург, он не только знал и досконально изучал текущую медицинскую литературу, но и художественную, интересовался и всеми новинками кинематографа, - в общем, с ним и рядом с ним всегда было интересно и поучительно.

В то время, когда я работал на кафедре, был популярен Омар Хайям. Юлий Ефимович любил его и довольно часто цитировал, чем как-то я и воспользовался.

Однажды у нас на кафедре оказался ещё один профессор, тоже хирург, и этот профессор спросил всех нас, присутствующих, как нам живётся-можется на кафедре во главе с суровым Юлием Ефимовичем.

Я возьми и скажи, что мы живём ПО Омару Хайяму – в борьбе единства с противоположностями.

Юлий Ефимович аж встрепенулся:

- Интересно, как это можно воспринимать?

- А вы, Юлий Ефимович, сами не так давно цитировали Омара Хайяма, и я хочу его тоже процитировать:

*Посмотри на лобзание любви
Пиалы и бутылки:
Как прильнули друг к другу!
А кровь между ними течёт!*

Это и есть, по моим понятиям, борьба единства и противоположностей.

Юлий Ефимович с восхищением пожал мне руку: ну, Жора, ну, молодец! Выкрутился-таки! И обратился к профессору-гостю: вот такие у нас кадры! Классики!

Но был на кафедре человек, который возненавидел меня, как говорится, всеми фибрами души. Это был мой одноклассник Сашка Ермолов, доцент кафедры. В будущем он дорастёт до профессора, станет надолго даже директором института имени Н.В.Склифосовского, академиком чуть ли не всех академий, орденоносцем и даже каким-то лауреатом, но скотское отношение к людям у него так и сохранилось. И поэтому оказался неудивительным случаем, который закончился его полным провалом и его, Сашки Ермолова, полным забвением.

Потому что во всём его облике, наряду с незаурядностью и волей, преобладали спесь и нерадивость. И высокомерие.

Читатель, наверное, помнит тот случай, когда дрессировщика Багдасарова (так, кажется, его звали) поранил тигр. Пострадавший, понятное дело, обратился прямо к директору института скорой помощи имени Н.В.Склифосовского, а именно к академику А.С.Ермолову, но тот, недооценив характер травмы и её возможные последствия, смазал раны каким-то антисептиком, может, указал ещё ввести противостолбнячную сыворотку, и, назначив противовоспалительную терапию, отпустил больного восвояси.

А у этого больного на следующий день температура поднялась выше 40 градусов, озноб, - в общем, начался сепсис, который не предусмотрел академик А.С.Ермолов, хотя рожистое воспаление мог бы предвидеть и использовать хотя бы мною изобретённую и прекрасно себя показавшую спирт-нашатырную смесь, о которой он давно знал.

И родственники пострадавшего обратились снова уже не к А.С.Ермолову, а прямо к его вышестоящему начальству, который без всяких экивоков тут же освободил А.С.Ермолова от занимаемой должности и от работы в институте. Наверное, и это начальство А.С.Ермолов допёк своим зазнайством.

Так-то вот: сколько верёвочка не вейся, всё равно у неё конец будет.

Но это случится в далёком будущем. А пока Сашка не нравился мне своей техникой операций, когда он не расслаивал ткани, как, например, мой любимый Александр Семёнович Лурье, а резал их как мясник.

Кому-то из сотрудников кафедры я высказал своё мнение о технике операций доцента Ермолова, и ему, конечно, об этом донесли.

Сашка, конечно же, нанёс мне ответный удар.

В одном из терапевтических отделений лежала больная, которую я проконсультировал и поставил ей диагноз рак молочной железы крайней 3-ей «Б» стадии, то есть запредельной стадии, на грани возможности операции, и написал ей перевод в хирургическое отделение.

Но доцент Ермолов запретил этот перевод больной, публично заметив при этом, что онкологу Петраковичу везде снятся онкологические больные. На самом деле, по его мнению, у больной имеется флегмона молочной железы и её можно лечить в том же терапевтическом отделении, где она и лежала, применив повязки с мазью Вишневского.

Но в том отделении врачи были тоже не дураки, они с помощью пришлого онколога взяли у этой больной биопсию (кусочек ткани для гистологического исследования), которая показала наличие у больной злокачественной опухоли.

Больную перевели в хирургию и предложили операцию – радикальную мастэктомию – выполнить мне, что я и сделал.

При этом показал ассистировавшим мне хирургам, что у больной было множество метастазов в глубоких мышечных слоях, даже в межрёберных, уже неудалимых, так что операция носила паллиативный характер, то есть приносящей временный успех.

Конечно, А.С.Ермолов рвал и метал по этому поводу – как же, задет его, доцента, профессиональный престиж, но против правды ведь не попрёшь.

Естественно, доцент А.С.Ермолов затаил злобу на меня и ждал момента «отыграться» на мне.

Он, как доцент, вёл утренние конференции, на которых дежурные хирурги, прежде всего ответственные, отчитывались за прошедшее дежурство.

Пришлось как-то отчитываться и мне. Прошедшей ночью мне показали больного из терапевтического отделения, у которого произошла тромбоэмболия (закупорка) левой плечевой артерии, в результате чего исчез пульс на руке, она похолодела и посинела, исчезли чувствительность и движения в кисти.

Если не взять такого больного на срочную операцию и не попытаться удалить эмбол из артерии, рука, и кисть её в первую очередь, омертвеют.

Я взял тут же больного на операцию под местной анестезией обнажил плечевую артерию, она была забита тромбами и не пульсировала.

Через небольшой поперечный разрез артерии я вскрыл её и удалил тромб из неё, но артерия не запульсировала: остатки эмбола оставались выше моего разреза.

Тогда я очень аккуратно, стараясь не повредить внутренние стенки артерии, ввёл в верхнюю часть артерии полиэтиленовый катетер до следующего эмбола, «присосал» его к катетеру шприцем и медленно и аккуратно вытащил его из артерии вместе с эмболом. Кровь ударила струёй!

Я наложил на концы артерий мягкие, не травмирующие сосуд зажимы, и задумался: если сшивать разрез на сосуде вручную, можно швами значительно сузить его просвет, а это значит ухудшить питание кровью и так пострадавшую кисть руки, а если применить сосудосшивающий аппарат, который нисколько не сузит просвет сшиваемого сосуда, тогда ...

Я спросил у операционной сестры, есть ли у них сосудосшивающий аппарат, сестра сказала, что есть, но он не заряжен танталовыми скобками.

Тогда я размылся, в несколько минут зарядил скобками аппарат, отдал его на кипячение, а сам помылся и вновь встал к операционному столу.

На сшивание сосуда аппаратом потребовалось несколько минут, и когда я снял с артерии мягкие зажимы, она запульсировала в обычном для неё ритме.

Рука тут же потеплела, в кисти и пальцах у больного вновь появилась чувствительность, а мы все в операционной облегчённо вздохнули: рука была спасена!

На утренней конференции, как и положено ответственному хирургу, я подробно доложил о дежурстве, в том числе о проведённой операции и её благополучном исходе.

И вдруг А.С.Ермолов делает мне упрёк: а почему это я не вызвал на операцию сосудистых хирургов из института Склифосовского, а сам занялся неведомым мне делом?!

Меня это взорвало.

- Во-первых, резким тоном сказал я, эту бригаду пришлось бы ждать нам несколько часов – ведь в институте такая бригада на целую Москву и даже на область создана пока в единственном числе. А во-вторых, Александр Сергеевич, я не виноват, что вы не владеете сосудосшивающим аппаратом, а я им владею в полной мере, что и доказал на этой операции.

А в третьих, я этим аппаратом, заметьте, впервые в мире сшил с хорошим исходом мочеточник, пересечённый во время гинекологической операции в подмосковном онкодиспансере, о чём есть соответствующая публикация в журнале «Акушерство и гинекология» номер три, 1961 год. Можете проверить.

Так что упрёк о неведомом деле адресуйте прежде всего своей персоне, а не мне!

Я сел и вдруг услышал какие-то странные тихие аплодисменты. Я оглянулся, но все хирурги на конференции сидели с невозмутимыми лицами, но как-то сгорбившись. Потом оказалось, что рядовые хирурги и больницы №13, и кафедральные, опасаясь гнева начальства, но в то же время одобряя мои хирургические действия и смелые высказывания, аплодировали мне, опустив свои ладони ниже колен. Такое не забывается!

С диссертацией у меня, называвшейся «синдром острого фибринолиза в клинической практике», всё заглохло окончательно, осталось только воспоминание, как заинтересованно расспрашивали меня в 1964 году учёные на конференции в тогдашнем «нашем» городе Львове о моих клинических наблюдениях за этим грозным синдромом.

А я подметил, что этому виду кровотечения всегда предшествовал шок, связанный с нарушением в наркозе: с плохой интубацией трахеи (неправильное введение в трахею дыхательной трубки), с плохой релаксацией и анестезией (больные при этом дёргались и двигали даже руками и ногами); а если при этом операция уже началась, то по всей поверхности операционного поля секунд через двадцать начиналось кровотечение несвёртывающейся кровью в виде маленьких фонтанчиков алого цвета. Подчёркиваю *алого цвета*, то есть кровь эта была *артериальной!* Почему кровь из операционной раны вытекала именно *артериальной и несвёртывающейся*, я понял только сейчас, когда мне «стукнуло» уже восемьдесят лет.

Дело в том, что плохая (недостаточная) анестезия, плохой наркоз вызывали у больного прежде всего *болевым шоком*, что ослабляло сердце: оно в этих условиях не могло «прогонять» всю кровь к клеткам организма по капиллярам и «забирать» её обратно. При такой патологии капилляры клетки отключались от общего кровотока, но отключаться они могут только на уровне так называемых *артерио-венозных анастомозов*, представляющих из себя соустья между артериолами и венулами на предкапиллярном уровне. На этом уровне у артерий нет специальных жомов, которые перекрывали бы ток крови в капилляры, но есть другой механизм, который *немедленно закупоривает фибрином капилляры, направляя ток крови, минуя капилляры, в венулы через артерио-венозные анастомозы и далее по венам - к правым отделам сердца. Этот механизм циркуляции крови носит в патологических случаях защитный характер, значительно облегчая работу сердца.* Но только на короткое время.

И в этих случаях простым переливанием крови, даже массивных доз, не отделаешься: *нужна совсем иная терапия, которая должна исходить из разработанной мной этиологии разбираемого синдрома.*

Закупоривает же капилляры фибрин, причём мгновенно, который всегда находится в крови в виде растворённого большого количества фибриногена. И тем самым процент фибриногена резко падает в составе циркулирующей крови не из-за «фибринолиза», которого фактически нет, а есть огромная трата фибриногена на закупорку капилляров фибрином. Кровь, обеднённая фибриногеном, не свёртывается, и сердцу легче проводить её в венозное русло и далее через лёгкие – в правые отделы сердца.

Но в то же время – при остром фибринолизе – клетки, лишённые капиллярного кровотока, не остаются совсем без энергии: ведь в них продолжается генерация мега-ВЧ ЭМП за счёт электронов, которые это поле отбирает у молекул АТФ, находящихся непосредственно в клетках.

Этот процесс энергетически не велик, но всё же на какое-то время он продолжает жизнь клетки – надо только успеть ликвидировать так называемый синдром острого фибринолиза.

Так что тот механизм, который назван острым фибринолизом и расценивался как патологическим, на самом деле носит защитный характер, облегчая работу сердца.

Отсюда и появляются в операционных ранах алые фонтанчики, бьющие из пульсирующих венул, которые ничем не остановить, – ни прижиганием, ни перевязкой сосудов, ни введением аминокaproновой кислоты и других кровеостанавливающих средств.

Остальное оставляю «додумывать» своим более молодым коллегам. Кстати, на одном из форумов в Интернете, на котором обсуждались мои работы по дыханию, было заявлено кандидатом ветеринарных наук Ежелевым Александром Васильевичем, что у коров, заболевших каким-то анаплазмозом, отмечалась перед гибелью животных сильная пульсация вздутых шейных вен. При пункции таких вен кровь

оказывалась алого цвета (то есть артериальная!) и не свёртывающаяся. Такая же патология с той же клинической картиной наблюдалась и у заболевших лошадей. В этих случаях как у человека, так и у животных, все капилляры клеток «забивались» фибрином, а кровь артериальная алого цвета на уровне артериол возвращалась по венам через артерио-венозные анастомозы в правые отделы сердца, пульсируя и имея тот же артериальный алый цвет.

Если у таких погибших животных при вскрытии их отмечалась жидкая несвёртывающаяся кровь, то это, по-видимому, был тот же ложный фибринолиз, что и людей, только у них не было наружного кровотечения, поскольку этих животных не подвергали хирургическому вмешательству.

Это моё последнее открытие можно назвать эпохальным, потому что, изучив этот грозный синдром с представленных мной позиций, можно будет предугадывать его появление и устранять выявленную патологию.

Кто этим хочет заняться обстоятельно, милостиво прошу, поскольку я уже стар и к тому же ничего из высказанного здесь не патентовал. Бог в помощь!

Теперь снова вернусь на кафедру Юлия Ефимовича Берёзова.

Зарплата у меня и на кафедре, и в больнице была низкой, категорией я ещё не обзавёлся, а у меня семья, двое сыновей подрастают, и когда мне предложили место заведующего хирургическом отделением в больнице имени Н.А.Семашко Московской железной дороги, я с радостью согласился. О своих материальных трудностях я откровенно рассказал многоуважаемому профессору Юлию Ефимовичу Берёзову, и он дал «добро» на моё увольнение.

На общем собрании на кафедре он сам рассказал о нашем разговоре, о своём «добре» на мой уход и добавил: от нас уходит очень хороший человек и очень хороший хирург Георгий Николаевич Петракович, и вы все знаете, что тот, кто уходит от нас, - уходит навсегда. Но единственно для Георгия Николаевича я делаю исключение: он может вернуться на

нашу кафедру в любое время, когда только того пожелает. В любое время!

Для меня такое публичное заявление шефа, зная его крутой нрав, было совершенно неожиданным и чертовски приятным!

Мы сохраняли наши добрые отношения с Юлием Ефимовичем до самой его неожиданной смерти, а умер он очень рано - в 56-летнем возрасте. Такому прекрасному человеку ещё жить бы и жить, но вот не судьба ...

Помню, как в больницу имени Н.А.Семашко Юлий Ефимович приехал целиком со всей своей кафедрой. Было много докладов, демонстраций, встреч, разговоров. Перед входом в зал заседаний я извинился перед Юлием Ефимовичем за то, что мы не смогли затемнить зал, чтобы показывать слайды, потому что там высоченные потолки в шесть метров (эту больницу построили ещё пленные немцы). Юлий Ефимович потрепал меня по плечу и с улыбкой сказал: всё в порядке, Жора, ты же знаешь, мы ведь все златоусты!

В перерыве этой конференции за обеденным столом я рассказал моему доброму шефу, что в этой больнице я уже сделал несколько проксимальных и дистальных резекций желудка с сохранением сосудов, питающих анастомоз, с двух сторон вместо принятого во всём мире одностороннего питания. Все прооперированные больные живы и здоровы. Я нарисовал ему схему операции: «питание» анастомоза с двух сторон осуществил за счет сохранения веточки желудочно-сальниковой артерии с перевязкой двух-трёх отходящих от неё коротких веточек. На место этих мелких артерий я с помощью аппарата ПКС-25 накладывал желудочно-пищеводный анастомоз. Аппарат «прокусывает» в этой зоне «дырку», одновременно соединяя танталовыми скобками пищевод с культёй желудка. Аппарат вводится для сшивания анастомоза через удаляемую часть желудка, так что дополнительных «дырок» в оставляемой культе делать не приходится.

Не нарушаются и онкологические правила в случае операции по поводу рака желудка. При такой операции можно удалить хоть весь большой сальник, а желудочно-сальниковая артерия остаётся доступной во всех случаях.

Юлий Ефимович слушал меня внимательнейшим образом, не перебивал, даже есть перестал. А когда я закончил, он воскликнул: потрясающе! У тебя получилась настоящая докторская диссертация, и материала на неё уже достаточно! Пиши диссертацию, я тебе обязательно помогу её защитить! Но не успел...

Интересно, что приемник его кафедры профессор Валентин Михайлович Буянов за такую же операцию, не санкционированную никем, грозился отдать меня под суд. Но не отдал. Это было уже в больнице ЗиЛа, а не отдал под суд потому, что операция прошла так же гладко, как и все двадцать пять, выполненных мной в железнодорожной больнице.

Мы в последующем с Валентином Михайловичем сдружились, я научил его делать переднюю резекцию прямой кишки с применением аппарата КЦ-28, что позволяло больному быть нормальным человеком, а не становиться глубоким инвалидом с выведенной толстой кишкой на переднюю брюшную стенку.

Однажды, прочтя мою работу «Молекулы-пъезокристаллы в живом организме», он позвал меня к себе в кабинет попить чаю и сказал: вот сидят двести академиков, ломают головы, каков же механизм мышечных сокращений, и ничего сообразить не могут. А позвали бы они на свой форум Петраковича Георгия Николаевича, он им всё по полочкам разложил бы.

Про себя я подумал, что Валентин Михайлович, пригласив меня, тем самым извинился передо мной за давнюю угрозу отдать меня под суд.

Но продолжу свой рассказ о моей работе на кафедре общей хирургии 2-го медицинского института во главе с Юлием Ефимовичем Берёзовым.

Как ассистент кафедры, летом я выезжал вместе со студентами на практику в больницы Тамбовской области и в областную больницу, разместившуюся в городе Тамбове.

Однажды мы приехали с целой группой студентов в один совхоз проводить диспансеризацию. Посмотрели всех, кого могли, за это директор совхоза разрешил нам половить рыбу неводом в небольшом местном пруде – они всё равно будут его к осени чистить.

Мы наловили приличное количество рыбы и даже раков, а я бегал по воде в плавках и загонял рыбу в невод. Меня в этот момент кто-то из студентов сфотографировал, а потом, уже в Москве, эту мою фотографию поместили в студенческой стенгазете с надписью «А это наш Георгий Николаевич браконьерствует». Ну, что ж поделаешь: студенты есть студенты...

Были у меня на практике и другие неожиданные встречи. Как-то главный врач областной клинической больницы Александр Иванович (забыл, к сожалению, его фамилию) пригласил меня съездить на рыбалку на недельку, поскольку все студенты устроены, работают и учатся, а на ближайшее время появление проверяющего начальства не предвидится.

Мы поехали на санитарной машине на реку Воронеж, машину отправили обратно, но знакомым Александра Ивановича из соседнего села в случае необходимости могли бы позвонить из Тамбова, либо мы могли бы вызвать через них самолёт в случае нашей необходимости. Одним словом, застраховались на всякий случай.

Я умею хорошо готовить, мы с собой прихватили бензиновый примус с небольшой канистрой, и я на нём варил уху из пойманной рыбы, раков, макароны и даже жарил яичницу и картошку.

И вот на запах нашей снеди к нам забрёл один старик в странной для того времени обуви: на нём были опорки из старых резиновых покрышек.

Мы этого старика угостили чем могли, и он нам рассказал свою историю.

Ещё молодым он попал в плен и был осуждён на семнадцать лет за участие в крестьянском мятеже в Тамбовской области, который жестоко подавил тогдашний маршал Тухачевский.

Когда его забирали, у него было уже двое детей, но когда он вернулся из заключения, и сын и дочь отказались от него, хотя у каждого из них уже были собственные семьи и собственные дома.

А у него ни пенсии нет и жить негде.

Правда, сын разрешил ему построить землянку на краю своего огорода, он даже умудрился соорудить в ней печурку, так что зимой не холодно, можно жить.

А вот летом прямо беда: куры разрывают земляную крышу его жилья, хотя она и покрыта частично куском железа, и чуть дождь – начинаются протечки.

Мы кормили старика, пока пребывали на рыбалке, уезжая, дали ему денег, почти целый рюкзак оставшейся у нас снеди, Александр Иванович подарил ему свои резиновые сапоги, я – прихваченные на случай непогоды свои ботинки, но щемящая жалость к ненужному никому старику осталась: мы увидели «настоящую заботу» о старике и его собственных детей, и нашего государства, «самого передового в мире». Да-а-а... В какое время мы живём?

Ещё мне вспоминается то время и по другой причине.

Среди моих практикантов-студентов выделялся своим могучим телосложением, высоким ростом и правильными чертами лица русоволосый парень по имени Саша Данилин.

При своей внешней представительности и привлекательности он вёл себя скромно, старался ничем не выделяться, но охотно помогал тем, кто в его помощи нуждался. Видно было, что он хорошо воспитан.

Когда я его спросил, кто его родители, он сказал, что его мама – экономист, а папа ... папа работает в аппарате ЦК КПСС на одной из высоких должностей.

И тогда я решил посоветоваться с Сашей.

Мы с женой и двумя маленькими сыновьями какой уж год жили в двух крохотных комнатах переселенческого дома в Измайлове, где на этаже на сорок комнат было два туалета, не было ни горячей воды, ни, естественно, душа, весь дом кишел тараканами, а комнаты – ещё и клопами.

Дом в Аптекарском переулке, где мы занимали одну комнату в коммунальной квартире, пришёл в негодность – обрушилась часть лестницы на четвёртом этаже, на котором мы жили, по этой причине нас и переселили в этот дом в Измайлове. И никакой перспективы в ближайшее время нам так и не обещали: ждите, и всё.

Саша ничего мне не обещал, кроме того, что как только придет с практики, он поговорит о наших бедах с папой...

И вот на кафедре, где я продолжал работать, раздаётся звонок от Саши.

- Георгий Николаевич! Пожалуйста, опишите подробно, в каком состоянии находится ваше нынешнее жильё, как всё получилось с прежним, только ничего не прибавляйте и не сочиняйте, потому что всё это будет проверяться! Есть перспектива помочь вам! Запишите мой телефон!

И о чудо: нам предложили трёхкомнатную квартиру в 39 квадратных метров у метро «Ждановская», но квартира была угловой, на самом верхнем – девятом – этаже. Нам всё это не очень понравилось, а Саша сказал, что могут быть и другие варианты, поэтому мы стеснительно отказались от этой квартиры, и нам предложили другую, уже в Медведкове по улице Широкой, в панельном доме на втором этаже и размерами больше – уже 42 квадратных метра.

Мы с радостью согласились на эту квартиру и прожили в ней больше 30 лет, всё время с добром вспоминая нашего спасителя Сашу Данилина.

Он приезжал к нам в гости, радовался за нас, а мы как могли отвечали на такую заботу, особенно мальчишки, которые дарили гостю свои самодельные танки, самолётики и кораблики, но самого Сашу после окончания медицинского института постигла трагедия: он умер от рака, не достигнув и сорокалетнего возраста.

До сих пор мы печалимся за него: вот почему жизнь бывает так жестока и несправедлива именно к таким замечательным людям?! Ведь Саша тоже стал хирургом, и хорошим хирургом,- сколько ещё добра он мог бы принести другим людям! Да ...

Но продолжу.

Итак, я работаю заведующим хирургического отделения номер один Московской окружной железной дороги.

Больница хорошо оснащена инструментарием и оборудованием, в ней не чувствуется той торопливости и спешки, как в городских больницах. В палатах – чистота и порядок, больные одеты в пижамы, которые периодически меняются. И с питанием всё налажено: оно полноценное и разнообразное.

И на этом благостном фоне – вдруг дичайший переполох: на соседнем Люблинском вагоноремонтном заводе в автомат затянуло рабочую: у неё сорвало кожу на правой руке (вывернуло, как перчатку), переломаны рёбра справа, шок, кровопотеря.

Мне об этом сообщила по телефону главный врач больницы Вера Ильинична Курмаева, ещё она сказала, что вызвана бригада хирургов из Центральной железнодорожной больницы, но я чтобы уже помылся на операцию – может, понадоблюсь, и ещё сказала, что о случившемся сообщили министру путей сообщения, так что я должен понимать всю свою ответственность.

Я уже был готов к операции, когда привезли пострадавшую и с ней явилась бригада хирургов из больницы МПС. Начали готовить пострадавшую к наркозу, а я хотел уступить место оперирующего хирурга, но меня остановили: вы начинайте со своими, а мы посмотрим. Если потребуется – присоединимся.

Вскрывать грудную клетку («распахивать её одним махом») я научился у Александра Семёновича Лурье, который много оперировал на пищеводе – раньше даже под местной анестезией.

Я и продемонстрировал эту технику перед собравшимися в операционной, закрепив рану ранорасширителем.

Александр Семёнович очень тщательно готовил больного к последующему послеоперационному периоду. Чтобы он мог свободно дышать после операции, он проводил спиртно-новокаиновую блокаду межрёберных нервов. Она заключалась в том, что на 4 кубика 0,5% раствора новокаина добавлялся 1 кубик (1мл.) 96⁰ спирта: одна капля спирта в таком разведении не убивает нерв, а только на время «приглушает» его, позволяя безболезненно дышать больному в послеоперационном периоде

Объясняя всё это окружившим операционный стол коллегам, я заблокировал все нервы в местах переломов рёбер и в здоровых местах, ушил атравматической иглой места разрывов лёгочной ткани, после чего проверил их на герметичность (просто вылил в рану флакон стерильного физраствора и посмотрел, не появятся где-либо воздушные пузырьки) и, поставив резиновые дренажи для последующего вакуумного отсоса из плевры, послойно ушил рану.

Мои коллеги молча наблюдали за операцией, но чувствовалась их доброжелательность. И только один из них, уже пожилой хирург, сказал с растяжкой: м о л о д е ц !
И где же такому научился?

Я объяснил, что торакальной хирургии я учился у онколога Александра Семёновича Лурье. И тогда все коллеги согласно закивали головами: тогдашние московские хирурги все знали А.С.Лурье.

А вот с рукой у пострадавшей дело обстояло плохо. Я хотел обработать и руку, но В.И.Курмаева настояла, чтобы операцию выполнила травматолог – дама запредельного возраста, участница Великой Отечественной. У неё, дескать, опыт большой – армейский.

Отходя от операционного стола, я тихо посоветовал травматологу, чтобы она не забыла сделать насечки на повреждённой коже и не забыла бы плотней забинтовать руку: тогда отслоенная кожа лучше приживётся. Иначе будет лимфоррея (истечение лимфы и гноя из раны), которая и

отслоит кожу от места приживления. Такая отслоенная кожа скорее всего некротизируется – погибнет.

Но где там! «Мы воевали!»

Только из-за обширного некроза кожи, потребовавшего много пересадок, больная провела в травматологическом отделении несколько месяцев. А «моих» восемь переломанных рёбер у больной вроде бы и не существовало. Даже пневмонии (воспаление лёгких) при такой травме не было!

И ещё у меня был случай в больнице имени Н.А. Семашко, показательный во всех отношениях.

Обычно я ездил из Медведково до станции Лосино-островская на переполненном автобусе, садился на переполненную же электричку, с которой пересаживался на станции Красносельская на Курскую ветку железной дороги, по которой ехал до Люблино, а там уже добирался до больницы пешком. Занимало это в один конец около полутора часов.

Приезжаю как-то, а в больнице все хирурги смотрят одного полноватого мужика: аппендицит у него, не аппендицит?

Я посмотрел больного, порасспросил, как всё началось, и приказал своему ординатору Любе Трущенко срочно вести больного в институт имени Склифосовского с диагнозом «расслаивающая аневризма правой подвздошной артерии с опасностью разрыва её и кровотечения в забрюшинное пространство». Вдруг мне звонит В.И.Курмаева:

- Георгий Николаевич, на каком основании вы отказываете больному в срочной операции и направляете его в институт Склифосовского?

- На том основании, что у больного нет никакого острого аппендицита, а есть расслаивающая аневризма правой подвздошной артерии, она может лопнуть, и больной тогда погибнет от внутреннего кровотечения.

- Но Трущенко с вами не согласна и везти больного отказывается.

- Тогда пусть везёт Сергей (сейчас не помню его фамилию), а я уйду на плановую операцию.

Больного все-таки отвезли в институт Склифосовского, и у него действительно оказалась острая расслаивающая аневризма правой общей подвздошной артерии, и его срочно оперировал мой однокурсник профессор Володя Леменёв.

Дальнейшую судьбу больного я не знаю.

Когда я вернулся в ординаторскую после плановой операции – резекции желудка, все уже были в курсе дела и выглядели подавленными, особенно Люба Трущенко.

Все бросились ко мне с вопросами, как и почему, вопреки всем, я так быстро и точно поставил больному такой сложный диагноз?

– Всё очень просто, - начал объяснять я, - вы все думали, что просто «намяли» живот больному, когда пальпировали его, а я увидел тромбоз мелких сосудов как раз в проекции общей подвздошной артерии, который от «намятия» живота не бывает. Но он бывает, когда тромбируется главный питающий сосуд, в данном случае это произошло с правой подвздошной артерией.

Далее: пульсация правой подвздошной артерии едва определялась, тогда как левая пульсировала в полную меру. Никто из вас не удосужился сравнить их пульсацию, а я это сделал.

И ещё: боли у больного начались после упражнений с гирями, а это означало, что в сосудах создавалось избыточное давление. А сам больной, хотя и молодой, но был полный и рыхлый, - всё это говорило о том, что у него начался ранний склероз сосудов, что и привело к отслойке стенки в правой подвздошной артерии. Эта отслоенная стенка то перекрывала просвет сосуда, и тогда у больного возникали боли в правой подвздошной области, то снова «прилипала» к стенке, и тогда боли совершенно проходили. При остром аппендиците таких перемежающихся болей не наблюдается.

Вот и всё. Так что наблюдайте и анализируйте!

И ещё хочу вспомнить из времени своей работы в больнице имени Н.А.Семашко.

Как-то мне прислали на консультацию из нашей же железнодорожной поликлиники одного больного с огромной опухолью желудка, которая чётко прощупывалась и была неподвижна. На рентгенограмме всё подтверждалось.

Я рекомендовал направить больного в онкологический диспансер – сам не решился оперировать такого, на мой взгляд, безнадежного больного.

Но больной никуда не поехал, а стал лечиться сам. Как потом он признался мне, пил даже собственную мочу.

Прошло больше года, и мне позвонили из поликлиники об этом больном ещё раз: помню ли такого-то больного? Память у меня тогда была цепкой, и я, конечно, вспомнил о нём. И даже вспомнил о том, как умоляла меня его жена взять его на операцию: он такой славный, добрый человек, он так любит своих детей, а у нас две маленьких мальчишек, - он должен обязательно жить!

На мой вопрос поликлиническому врачу, а как обстоят дела с опухолью и язвой, она ответила, что опухоль не прощупывается, а на рентгене язва стала значительно меньше. А сам больной даже прибавил в весе.

Надо сказать, что у нас в стране в те времена не было гибких (фибровых) гастроскопов, а были только металлические с раздвижными трубками и с плохой осветительной системой, через которые мало что увидишь, да и биопсию (кусочек ткани желудка) из нужного места взять трудно. С таким гастроскопом работать я научился ещё у Александра Семёновича Лурье, был он и в железнодорожной больнице, поэтому я попросил прислать мне больного на повторный осмотр.

Он пришёл вместе с женой, она опять жалостливо просила меня взять его на операцию. Только вы можете помочь моему мужу, о вас говорят как об очень хорошем хирурге и добром человеке.

А больной действительно выглядел лучше, чем год назад, опухоль не прощупывалась (медики говорят «не

пальпировалась»), а на новом рентгеновском снимке язва выглядела гораздо меньшего размера, чем на старом.

С диагнозом «пенетрирующая язва желудка», то есть переходящая на поджелудочную железу, я госпитализировал больного, подготовил его к операции, но без гастроскопии, а потом и прооперировал. На операции были технические трудности, но всё закончилось благополучно.

В выписке из истории болезни я просил продлить больному инвалидность, которую ему определили как неоперабельному (не подлежащему операции) больному, ещё на год, с чем мой пациент и покинул больницу.

И когда больной окончательно поправился, он иногда приходил по утрам к воротам больницы со своими мальчиками четырёх и пяти лет, и те дарили мне то конфетку, то цветочек, а то какую-нибудь маленькую игрушку, и каждый раз говорили мне «спасибо». Ведь я спас их папу!

Я ещё работал во многих других больницах Москвы (так уж вышло), но описывать это не буду, кроме того, что я лично вложил в медицинскую науку и вообще в науку в этих больницах и что ещё может принести пользу.

Так, в больнице ЗиЛа, в которой я проработал более двадцати лет, - до выхода по инвалидности, я с самого вступления на должность заведующего гнойным отделением и проктологии ввёл изобретённую мной спирт-нашатырную смесь для лечения рожистых воспалений всех локализаций и гнойничковые заболевания кожи. Состав этой смеси очень прост: берёшь 2 части 95⁰ спирта и 1 часть 10% нашатырного спирта (10% аммиака), смешиваешь оба ингредиента – и смесь готова. Рожистое воспаление на лице надо смазывать осторожно, немного смачивая смесью ватку, чтобы она не стекала и не капала с неё, иначе смесь может попасть в глаза и вызвать химический ожог.

Особенно это касается детей и страдающих юношескими угрями молодых людей обоего пола. При этом рожистое воспаление проходит в два-три дня и, как правило, не рецидивирует, а юношеские угри надо лечить около недели,

смазывая лицо на ночь и утром после умывания. Пусть юношей не пугает остающиеся после угрей синеватые пятна на лице – они рассосутся недели через две, и лицо станет чистым и красивым.

Действие этой смеси очень простое: аммиак растворяет жировую плёночку, которая всегда покрывает прыщи и фурункулы, а проникающий вместе с нашатырём спирт стерилизует (дезинфицирует) прыщи «изнутри». В настоящее время в аптеках, и то не во всех, продаётся только 70⁰ спирт, в этом случае дозу аммиака в соотношении со спиртом надо уменьшить вдвое, – и успех в лечении будет таким же эффективным.

Однажды я проанализировал, сколько больных с рожистым воспалением прошло за время моей работы в больнице ЗиЛа – вышло 962 больных, и ни один из больных не был переведён в инфекционную больницу, хотя рожа считается инфекционным заболеванием.

В этой больнице и сейчас продолжают пользоваться моей смесью, правда, о том, что эта смесь – моё изобретение, помнят лишь одни «старички», работавшие со мной. Но я не обижаюсь: помогает – значит хорошо, значит «оставил свой добрый след».

Мы с профессором Валентином Михайловичем Буяновым, о котором я уже писал (см. выше), запатентовали способ пересадки собственной кожи пострадавшего от ожогов, особенно от самых тяжёлых и обширных ожогов, когда собственной кожи не хватает, донорская не приживляется, и лечение затягивается на долгие месяцы и даже годы, если пострадавший доживает до этого.

А наша методика очень проста: на небольшом участке непострадавшей кожи снимается узкий, всего в несколько сантиметров, и длиной в 5-7 сантиметров, участок кожи, небольшая рана зашивается обычным способом, а выбранный участок кожи высушивается в стерильной вакуумной установке до «сухарика». И этот «сухарик хранится в закупоренном флакончике или ампуле. Далее, когда больной будет выведен из состояния шока, кожный «сухарик» измель-

чается до порошка в стерильном маленьком блендере (например, как для размолки чёрного перца) и заливается стерильным физиологическим раствором.

Для пересадки здоровых и живых клеток самого больного используется изобретённый у нас в стране безыгольный инъектор.

Раньше он предназначался для использования в армейских условиях для прививок, для введения обезболивающих и лечебных средств даже через гимнастёрку, но затем такое применение инъектора запретили: возникла опасность переноса инфекции от одних пациентов к другим, потому что предполагалось, например, прививки, делать из одного инъектора подряд нескольким десяткам, а то и сотням людей без перезарядки его и стерилизации.

А вот нас это обстоятельство натолкнуло на мысль использовать этот инъектор без перезарядки и сколько потребуется раз, но только *одному больному*, - тяжело обожжённому. Полученный порошок из размолотого в блендере «сухарика» тщательно, до крупинки, собирается в стерильную ёмкость, туда добавляется стерильный физиологический раствор, необходимый для количества инъекций, - и можно приступить к инъекциям.

Я с таким аппаратом был знаком, держал его в руках и даже разбирал и собирал. В нём предусмотрена даже глубина введения препарата через него, а сама инъекция абсолютно безболезненная. Таких инъекций можно одному больному сделать сотни одновременно, и он это легко перенесёт.

Мы с Валентином Михайловичем предполагали, что собственные живые клетки кожи самого пострадавшего можно будет вводить с помощью инъектора под пострадавшие участки его же кожи, которые потом обязательно отторгнутся, - и вводить уже сразу после выхода больного из шока. И тогда, пока «старая» и обгоревшая кожа будет готовиться к отторжению, всё это время под ней будет расти и созревать из инъецированных клеток своя собственная и здоровая кожа. Обгоревшая кожа обычно отторгается недели через две-три, и за все время под этой кожей растёт и

развивается точно такая же, но новая без кавычек и, главное, *собственная кожа потерпевшего.*

Получается как в природе: смена одной старой кожи у ящериц, змей и других животных на свою же, но новую. Уже в руках с патентом я поехал в Ленинград в ожоговый центр при военно-морской медицинской академии (за точность названия не ручаюсь), где как раз изобрели тот самый иньектор для нужд армии, который не вошёл в практику. И что? Ответили: подумаем. Думают до сих пор.

Обращался я и в ожоговый центр при институте Склифосовского к профессору Смирнову (имени не помню) по рекомендации самого профессора Буянова, который был лично знаком с этим руководителем. Встретили меня там радостно и так же радостно проводили. Ощущаю эту безответную радость до сих пор.

А ведь заготавливать такую «сухую кожную корочку» для людей пожароопасной профессии (пожарников, лётчиков и других им подобных) можно было бы и заранее и индивидуально для каждого, но кто за это возьмётся ...

Время шло, никаких подвижек в этом деле не было, но мне неуклонно приходилось каждый год платить, и за двоих (у профессора В.М.Буянова деньги просить я не осмеливался), по МРОТ, у деньги за патент, стоимость которого повышалась почти каждый год.

Мне в конце концов эти бессмысленные траты надоели, я перестал платить, а государство в ответ «кинуло» и меня – отобрала патент в свою бессмысленную пользу. Вот так!

Был у меня и другой патент на стимуляцию роста и развития всех без исключения растений частью этих же растений, но в замороженном виде. Сейчас не помню, откуда у меня появилась эта идея стимуляции растений, но первым провел его на своём «огороде» (на подоконнике в своём кабинете) мой друг и коллега заведующий отделением отоларингологии Евгений Михайлович Узинцев, заслуженный врач РФ.

Он выращивал огурцы и помидоры на своём «огороде» на подоконнике в горшках в своём кабинете заведующего ЛОР-отделением, они росли быстро и были они на вкус очень приятные.

Ещё одна приверженца моих стимуляций была жена генерала с несколькими звёздочками терапевт Зоя Ильинична Фёдорова, которая заиклилась только на помидорах.

Известно, что в Подмоскowie помидоры обычно дозревают на подоконниках на дачах, а Зоя Ильинична умудрилась их дозреть на грядках и в виде не стеблей, а плетей метров по пять и больше, которые она развешивала для показа прямо у входа на террасу своей дачи. Помидоры у неё созревали раньше других соседей недели на две и были такими же вкусными, как и крымские. Я их пробовал тоже. Я спросил её, поделилась ли она этими секретами с соседями по даче, на что она ответила: не-а. Пусть лучше завидуют.

С этими стимуляторами произошёл ещё один интересный случай. Моя добрая и давняя знакомая Светлана Ниловна Федотова, работавшая инженером на заводе «Серп и молот», ныне сгинувший в неизвестность, решила применить этот способ стимуляции на своём небольшом огороде.

Тогда это было ещё возможно купить рядовому инженеру в Подмоскowie небольшой участок земли, но она умудрилась приобрести этот участок даже с небольшим летним домиком, в котором были кровать, стол, стулья, но холодильник не было.

Поэтому она собирала картофельные очистки у себя в квартире и замораживала их в морозильной камере, а когда собралась на свою «дачу», она завернула свои замороженные очистки в несколько слоёв газет, чтобы они не разморозились в пути, и отправилась экспериментировать.

На «даче» она клала в лунку посадочную картофелину и вместе с ней кидала щепоть замороженных картофельных очисток.

Однако вышло так, что очисток хватило лишь на половину засаживаемого картофеля, - остальную часть она засаживала обычным способом.

И вот результат: на простимулированной части огорода картофель уродился раза в три крупнее, с гладкой поверхностью, без червоточен, но это не самое главное.

А самое главное заключалось в том, и это открытие значимо для всего мира, что на всех участках вокруг, включая и её участок, на который не хватило очисток, картофель поразил колорадский жук, а тот участок, где картофель стимулировался замороженными очистками, колорадский жук не тронул! Это ли не доказательство того, что я был прав: стимулировать высаживаемые растения замороженными отходами от них же!

И это ли не сенсация: победить в борьбе с колорадским жуком, да ёще таким примитивным и легкодоступным способом!!

Ведь и помидоры можно стимулировать удаляемыми с них «пасынками», малину - некоторым количеством замороженных соцветий и так далее. Это касается всех без исключения растений, включая деревья и кустарники.

Я получил на это открытие патент, несколько лет оплачивал его по всё увеличивающемуся МРОТу, но никто не заинтересовался им, даже хозяйственный Юрий Михайлович Лужков, к которому я обратился с расширенным посланием как улучшить озеленение в городе Москве, но получил лишь никчемную отписку от второстепенного лица. Вот так. «Мы сами с усами» ...

Итак, с медициной и стимуляторами я закончил, но у меня есть ещё множество гипотез, помещенных в Интернете: и о механизме вращения Земли, о безжизненной и безэлектронной планете Марс, на поверхности которой никому и никогда не удастся сохранить любое, даже самое «защищенное» устройство, направленное на эту планету.

Печальный пример тому – последний запуск американского «марсохода»: он замолчал сразу после того, как удачно «примарсился» на планету Марс.

И всё это потому, что поверхность этой планеты сплошь покрыта железной пылью, состоящую из распавшихся тетраэдров железа на мономагнетики (по Полю Дираку, 1931г.), и пребывает это железо постоянно в трёхвалентном состоянии (американские данные – на 82%, но я думаю, что на все 100%).

Между прочим, планета представляется красной не потому, что она ТАК отражает солнечные лучи, а потому, что именно трёхвалентное железо имеет красный цвет. Ведь обычное для нас железо (не ржавое и в двухвалентном состоянии) имеет серый с отблеском цвет.

При попадании на эту планету любого предмета (не дай Бог, если что-либо живое!), трёхвалентное железо немедленно (в секунды) отнимет у этого предмета или объекта все электроны, в результате чего этот предмет или объект распадётся, рассыплется на отдельные положительно заряженные ионы. И всё!

По причине распада тетраэдров железа на мономагнетики планета Марс имеет слабые магнитные полюса - ведь в них, в отличие от нашей Земли, не генерируется открытое мной вихревое мега-высокочастотное электромагнитное поле в $6 \cdot 10^{18}$ Герц.

Так что не зацветут на Марсе яблони, не зацветут ...

Петракович Георгий Николаевич, – врач-хирург высшей квалификации, действительный член Русского Физического Общества (1992), лауреат Премии Русского Физического Общества (1992), автор монографии «Биополе без тайн», 2009г. (Энциклопедия Русской Мысли. Том 10).

Приложения

1. От редактора

Автор этой книги, которую я редактировал и издал, а теперь поместил и в Интернете, родился в 1932 году. Ему уже исполнилось 80 лет.

В юношеские годы у него, в связи с разными обстоятельствами, описанными им в его исповедальной повести, было поочерёдно четыре разных имени и четыре разных

фамилии: Виталий, Георгин, Одыль (узбекское имя) и последнее до настоящего времени – Георгий. Соответственно именам в том же порядке перечисляю и фамилии: Калугин (Виталий), Георгин (Кудинов), Одыль (узбекская фамилия), Петракович - нынешний Георгий. Интересно, что нынешнее имя он назвал в Московском загсе без всяких документов в 1946 году, заявив, что метрики его пропали во время Отечественной войны. Мог бы назвать себя и любым другим именем. Но Георгий – это Победитель, с чем мы его и поздравляем.

Так что Георгий Николаевич Петракович стал сам себе крестником, и, полагаю, счастливым крестником, потому что он преподнёс не только России, но и всему миру, столько фундаментальных открытий в биологии, медицине, биофизике и биоэнергетике, физике живой и неживой Природы, в физике Земли, что удивляешься, как ему на всё это хватило сил, ума и способностей!

Да ещё представив всё это научно-практическое разнообразие в блестящей литературной форме, доступной для любого заинтересованного лица.

Но не заинтересовались его трудами еще в далёком 1990 году только в Российской Академии Наук, в которую он направил свои первые труды о ядерных реакциях в живых клетках. Работа была направлена на имя академика Владимира Скулачёва. Правда, под глумливым ответом академик В.Скулачёв своей подписи не поставил, но в документе стоит дата и номер обращения, а Георгий Николаевич получил ответ лишь только после того, как академик вернулся из США. А в записке от секретаря РАН сказано, что дальнейшая переписка нежелательна.

Теперь можно сказать, что академик Владимир Скулачёв не сделал за всю свою жизнь ни одного открытия, тем более фундаментального, а если и сделал, особенно по биоэнергетике, то они оказались ошибочными, чем гордиться, естественно, неприлично.

А когда я, Председатель Русского Физического Общества, издатель и главный редактор журнала «Русская мысль», поместил ту же отвергнутую РАН статью под названием

Русское Физическое Общество

«Свободные радикалы против аксиом» в этом журнале (№2, 1992г.) и поместил её в Интернете, от неё отбоя нет до сих пор. Ею интересуются одновременно от сотен тысяч до миллионов пользователей Интернета. Обсуждаются на многих форумах и другие не менее значимые, но более поздние работы Г.Н.Петраковича.

Здесь я представляю неприемлемый ответ академика на простую просьбу нашего гражданина познакомиться с его трудом. Ответом академика было хамство, перемешанное с сарказмом и иронией. Читайте сами.

Главный редактор журнала «Русская Мысль», президент Русского Физического Общества – В. Г. Родионов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ БИОХИМИИ, БИОФИЗИКИ И
ХИМИИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ
СОЕДИНЕНИЙ

117901, ГСП, Москва, В-71
Ленинский просп., 14
Тел. 232-27-85

Г 129224 Москва И-224
ул. Широкая, 24, кв. 256

Петраковичу Г.Н.

15.06.90 № 12100-1851/77

На № _____

Уважаемый Георгий Николаевич !

Отделение биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР направляет Вам заключение специалистов на Вашу работу "Ядерная реакция в живой клетке". Дальнейшую ~~кни~~ переписку по данному вопросу считаем нецелесообразным.

Приложение : упомянутое в тексте на Г л., только в адрес
Ст. научн. сотр. Отделения
канд. мед. наук

В.А. Стрельников

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О РАБОТЕ Г.Н.ПЕТРАКОВИЧА
"Ядерная реакция в живой клетке"

Присланная мне работа Г.Н.Петраковича – не более, чем фантазия дилетанта, противоречащая хорошо известным фактам из области биоэнергетики и ядерной физики. Ключевое предположение о митохондриях как синхрофазотроне, разгоняющем протоны, решительно ни на чем не основано и несовместимо с тем, что известно науке о митохондриях, с одной стороны, и синхрофазотроне, с другой. Неверно утверждение, что протонный потенциал митохондрий ничтожно мал и потому не может объяснить синтеза АТФ : этот потенциал как раз таков, чтобы поддерживать данный синтез. Также ошибочны мнения автора, что "никто не доказал способность АТФ накапливать и удерживать энергию"; что АТФ не может проникать через мембрану митохондрий (в действительности, известен специальный белок – переносчик АТФ) и не способен обеспечивать различные типы работы клетки. Автор игнорирует тот факт, что при дыхании протоны переносятся в мембране митохондрий против поля (а не по полю) и это происходит достаточно медленно (в миллисекундной шкале времени), а также что эти протоны, выйдя из митохондрий, соединяются с H_2O , давая H_3O^+ , так что ни о каких свободных быстрых протонах в клетке не может быть и речи. Не менее фантастичны и следствия из неверной основной посылки вплоть до рассуждений о Джуне, "женщине-рентгене" и загадочном китайце из Хабаровска. Опус Петраковича – еще одно подтверждение известного принципа Павлова, что недостаток знаний нельзя компенсировать никакой даже самой смелой гипотезой.

2. ЯДРО ЗЕМЛИ, ЕЁ НООСФЕРА И ПЛАНЕТА МАРС

Георгий Петракович, Мария Петракович

Часть 1: ядро Земли и её ноосфера

Земля вращается только потому, что её движет мощнейший электрогенератор, открытый нами и представляющий собой ядро из чистого кристаллического железа, окружённого тысячекilометровыми слоями радиоактивных веществ, которые служат источником электронов для этого своеобразного вихревого электромагнитного двигателя. Частота этого двигателя нашей планеты нами определена и составляет $6 \cdot 10^{18}$ Герц, - это самая высокая частота из всех известных электромагнитных частот!

Период полураспада этих радиоактивных веществ, «дающих» электроны ядру Земли, потрясает: до 10^{28} тысяч лет! Именно тысяч лет! Так что, руководствуясь этими данными, «жить» Земле ещё миллиарды и миллиарды лет!

Но вот с её электронами надо основательно разобраться. Ведь электрон на орбите ускорения в тетраэдре атомов железа (в атомной решётке железа) удерживается всего 10^{-8} секунды - одной стомиллионной доли секунды! Это происходит по той причине, что ускоряемый электрон вырабатывает при ускорении в тетраэдре железа собственное электромагнитное поле, которое направлено на торможение электрона. По этой причине электрон теряет часть своей энергии и выбрасывается из системы ускорения, но немедленно замещается следующим электроном.

Если же представить себе размеры ядра Земли, составляющие больше 3,5 тысяч километров в диаметре, то «отработанные» электроны должны бы «оттекать» от ядра Земли реками, но и «притекать» к нему новые - тоже реками.

Вместе с тем электроны, уже «отработанные», будучи элементарными частицами, никуда не деваются и не исчезают вовсе, а накапливаются в толще Земли отдельными электрическими зарядами, - даже иногда, по-видимому, относительно близко от поверхности Земли. Вот тогда время от времени между этими зарядами происходят мощные разрядки в виде коротких замыканий, - и Землю в отдельных её местах начинает по-настоящему «трясти», и ближе к её поверхности это проявляется в виде землетрясений, которые нередко сопровождающиеся и цунами, если землетрясение произошло под дном моря.

А электроны, обретая во время коротких замыканий электронных облаков свои прежние заряды, становятся таким образом способными и в дальнейшем участвовать во вращении ядра Земли и других, обычных для них действиях. То есть для Земли электроны не утрачиваются бесследно («не схлопываются», подражая языку физиков), а лишь на время преобразуются. Во всяком случае, это происходит в недрах Земли, что очень важно для сохранности её энергетического (электронного) баланса. Так что Земля энергетически нисколько не скудеет: в её недрах имеет место быть «электрическая перезарядка» электронов наподобие круговорота веществ в Природе.

Поэтому Земле не так уж страшны потери электронов во время «коротких замыканий» электронных облаков: они оказываются временными, и электроны периодически восстанавливают при этих «замыканиях» свои электрические заряды. Да и «перезарядка электронов» на Земле всегда носит локальный и сравнительно поверхностный, по отношению к толще Земли, характер, будь то Помпея, Спитак или недавнее землетрясение с цунами в Японии.

Так что накопление электрических запасов в толще Земли не является смертельно опасным ни для самой планеты, ни для её обитателей, а наоборот, Земля восстанавливает тем самым источники энергии для своего существования. Это нечто круговорота веществ на поверхности Земли, в результате чего она остаётся как есть на протяжении тысяче-

летий. Разве что только человечество способно изменить внешний облик Земли, причём, не в лучшую его сторону.

Говорить же о том, что эти катастрофы в толще Земли случаются в результате сближения земных плит (скорость сближения - всего лишь 3 миллиметра в год!) просто смешно и недостоверно. К тому же ещё надо по-настоящему доказать само существование таких «плавающих» на магме сверхгигантских земных плит.

Вулканы же зарождаются и действуют гораздо ближе к поверхности Земли и прямого отношения к околоядерным (вокруг ядра Земли) электронным потокам, как мне кажется, не имеют. Не представляется возможным, что жерла вулканов могут углубляться до самого ядра Земли - то есть на многие тысячи километров.

И вот ещё один вопрос: в других своих работах (например, «Ядерная гидропушка» в живой и неживой природе»), мы доказали, что каждая живая клетка, будь она животного или растительного происхождения, выделяет во внешнее пространство водород в виде ионизированных протонов в вихревом мега-высокочастотном электромагнитном поле, - в точно таком же, которое генерируется и в ядре Земли, и выделяются они в окружающую среду живыми организмами в форме голограмм, которые затем, как мы полагали прежде, исчезают («растворяются» в воздухе) бесследно.

Но нам придётся изменить эту точку зрения.

Дело в том, что генератор ядра Земли, вращающий всю нашу Землю, представляет собой мощнейший синхрофазотрон, находясь в котором, ионы атома водорода - протоны - ведут себя исключительно «поlušно»: они не перемещаются одни относительно других, тем самым они несут заложенные в них голограммы в неискажённом виде и вечно. То есть протоны, будучи самыми лёгкими химическими элементами среди бесчисленных других, поднимаются над Землёй выше всех остальных, - в самые заоблачные высоты, а именно в ионизирующий слой атмосферы, сохраняя при этом свои голограммы.

Эти протонные голограммы выделяются в окружающую среду как всеми живыми существами, включая растения и бактерии, так и «заводнённым» железом», разлагающим воду на ионы водорода (протоны) и кислорода.

Но даже на уровне ионизирующего слоя атмосферы протоны, хотя и обладают ничтожной массой тела, но, тем не менее, не могут оторваться от вращающейся Земли, поскольку и на них воздействует земное тяготение, которое удерживает их в ионосфере Земли. А уже названное мега-высокочастотное электромагнитное поле ядра Земли обеспечивает полный порядок в этом удержании, то есть в виде вечно сохраняемых голограмм.

Некоторые, очень редкие люди, имеют доступ к голограммам этого энергоинформационного поля, «видят» протонные голограммы ноосферы и в настоящее время, и в прошедшем времени, и каким-то образом могут предсказывать по ним даже будущее. Такими «волхвами» можно назвать Вангу, болгарскую прорицательницу, американца Кейси, нашего соотечественника Вольфа Мессинга.

Есть, конечно, и менее известные их коллеги, но «черпают» они свои сведения из одного и того же «колодца» - из неуничтожаемого энерго-информационного поля ноосферы, названного нашим соотечественником академиком Владимиром Ивановичем Вернадским ноосферой - сферой знаний.

Случались и другие явления, которые свидетельствовали о связи времён и событий, о которых мы уже писали. Это и грохочущий по несуществующим рельсам старинный паровозик с такими же старинными вагончиками, бесследно исчезающий в пещере, и бой с грохотами и дымом, с жертвами от старинных пушек и таких же старинных ружей, но этот бой на самом деле состоялся на этой же местности триста лет тому назад. И так далее.

Всё это свидетельствует о том, что информация о прошедшем сохраняется и даже может поступать к нам, но это пока очень редкие явления. Или часто мы на них не обращаем внимания - ведь в научной среде ещё неодолимо

властвует научный скепсис, защищающий науку, как кажется некоторым недалёким учёным, от «неправедной» науки, которую часто называют знахарством

Мы по профессии не физики, мы медик и биолог, поэтому наши фантазии кому-то могут действительно показаться смешными, а то и болезненными, во всяком случае - непрофессиональными, но мы всё равно убеждены в нашей правоте, потому что доказываем её на существующих и неопровержимых фактах.

И мы, вопреки сткептикам, думаем вот о чём: а если заслать в эту ионную ноосферу какой-нибудь малый летательный аппарат, который «снимал» бы на указанных частотах ($6 \cdot 10^{18}$ сек⁻¹ /Герц/) и передавал бы нам содержащиеся в них голограммы о всём произошедшем на Земле с помощью когерентного лазерного луча или другого какого-либо устройства «в составе» (совместно) с мега-ВЧ ЭМП?! Вот было бы здорово!

Даже трудно предсказать, насколько бы тогда изменилось земное человеческое общество, если бы знания его тайн, его подвигов и козней стали бы доступными всем! Но кто посмеет за это опасное и даже смертельное дело взяться? Вот в чём вопрос ...

Часть-2я: планета Марс

Планета Марс была открыта людьми уже много веков назад, но до сих пор мы о ней мало чего достоверно знаем. Вот, например, красный цвет планеты, который выделяет её среди других планет, - чем он вызван? Скажут - железом, но каким железом!

Американцы не так давно определили, что железо на поверхности Марса находится на 82% в трёхвалентном состоянии, то есть без электронов, а это означает, что почти вся планета (если не вся!) находится без электронов, без которых невозможна генерация мега-высокочастотных электромагнитных полей. Одним словом, жизнь в любом её виде на планете Марс вообще невозможна!

К тому же Марс - планета не только без электронов, но и без протонов! Поэтому вряд ли когда-либо «и на Марсе будут яблони цвести ...»

Не все знают, но мы сообщаем читателям, что ярко-красный цвет имеет железо именно в трёхвалентном состоянии! Поэтому какой бы аппарат люди ни засылали бы на «красный» Марс, у него будут агрессивным «марсовским» трёхвалентным железом немедленно «отобраны» электроны, - тем самым аппарат будет немедленно разрушен вплоть до положительно заряженных отдельных ионов, если таковые есть. То есть Марс немедленно превратит всё засланное на планету в мельчайшую пыль в виде отдельных ионов.

Именно по этой причине мгновенно уничтожались и превращались в пыль все аппараты, которые направлялись на Марс, - даже совершившие мягкую посадку. Такая же печальная участь может немедленно постигнуть и людей, если они решатся высадиться на эту планету!

Но научный интерес к Марсу всё равно не угаснет, - и к этому надо отнестись вполне серьёзно. Ещё в 1931 году знаменитый английский учёный Поль Дирак высказал мысль о том, что в принципе атомные решётки железа могут распадаться на отдельные магнетики - мономагнетики (по два из одной атомной решётки), но до сих пор на Земле их никто не обнаружил. А вот на Марсе они есть и сплошь покрывают его поверхность!

Надо полагать, что распад тетраэдров железа на Марсе произошёл в связи с отсутствием в них «скрепляющих» электронов и прекращением в них генераций вихревых мега-высокочастотных электромагнитных полей, - по-другому не объяснишь слабую намагниченность полюсов планеты, которая столь богата железом.

Вот тогда становится понятным, откуда на Марсе возникают так называемые пыльные бури, состоящие из этих самых лёгких (легчайших!) мономагнетиков, которые охватывают всю планету и держатся иногда несколько лет подряд!

Необходимо разъяснить, что атомная решётка железа настолько мала сама по себе, что в эритроците - кровяной клетке живого существа на Земле - насчитывается до 400 миллионов молекул (!) гемоглобина! А ведь молекула гемоглобина наряду с кристаллическим тетраэдром железа содержит ещё и белковую часть, состоящую также из кристалла белка, те есть получается кристалл в кристалле! Один из нас так и назвал это соединение железа с белком в молекуле гемоглобина (как и в молекулах билирубина, уробилина, стеркобилина) молекулой-пъезокристаллом.

А если на Марсе тетраэдр железа распадается на две части и при этом утрачиваются его электромагнитные свойства, то в какую мельчайшую и лёгкую пыль превращается железо на этой планете! Не удивительно, что на полюсах этой планеты отмечается слабая намагниченность!

А теперь пусть читатель мысленно представит себе железную пыль на Марсе, состоящую из мириадом и мириадом минимагнитиков, агрессивно настроенных на всё, что содержит электроны, - и это почти в вакууме (атмосфера Марса содержит около 0,7% CO₂ - и всё!), - какой же ад предстанет тогда перед его воображением! На Марсе при такой разреженности атмосферы не может быть ветров, тем более, вопреки предположениям некоторых учёных, - естественно, и бурь, но есть механизмы, связанные с впусчиванием железной пыли, к которому мы сейчас и перейдём.

Дело в том, что Марс можно, образно говоря, принять за состарившегося и потерявшего всё старшего брата Земли: они близки по размерам, они вращаются почти с одинаковой скоростью, и этого достаточно, чтобы сравнить их.

Безусловно, что у ядра планеты Марс есть состоящее из кристаллического железа ядро, которое генерирует вихревое мега-высокочастотное электромагнитное поле. Это поле и вращает планету. Но для такого вращения планете нужны, как мы уже говорили, реки электронов, движущихся в сторону ядра, тогда как реки «отработанных» электронов должны двигаться в обратную от ядра сторону. Без сомнения, тысячекилометровые толщи запасов радиоактивных веществ с

необыкновенно длительными сроками полураспадов у Марса, как и у Земли, есть. Они, отдавая свои избыточные электроны, тем самым и сохраняют вращение планеты Марс.

Но куда тогда деваются реки «отработанных» электронов? Надо полагать, что они, проникая различными путями через толщу планеты ближе к её поверхности и, накапливаясь в этой толще в виде электрических зарядов разной ёмкости, при контакте между собой вызывают взрывы (путём коротких замыканий), которые сотрясают планету в отдельных её частях. Тем самым возникают, подобно земным, и «марсотрясения». В результате этих взрывов происходит в глубинах Марса восстановление заряда электронов, так что планета Марс, как и Земля, энергетически не истощается.

Но если на Земле землетрясение вместе с цунами вызывает разрушения строений, то в безвоздушном и безводном пространстве Марса это вызывает только одно: поднятие кверху огромных скоплений легчайшей железной пыли, охватывающих иногда всю планету, и подчас на долгие годы.

А те «ледники», что иногда видятся на северном и южном полюсах Марса в «ясную» для планеты погоду, - ими скорее всего являются освобождённые от осевшей на них железной пыли крутые скалы из кремния, которые в отражении солнечных лучей кажутся белыми, как снег или лёд.

Пусть кто-нибудь мечтает слетать на Марс, даже годами тренируется для этого в искусственно созданных трудных условиях, - мы же остаёмся скептиками: на это бесплодное дело жалко тратить не только колоссальные деньги, материальные средства и время, но, главное, жаль людей, готовых пожертвовать собой ради псевдонауки о Марсе.

Г.Н. Петракович, М.А. Петракович, май 2012 года.

3. НОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ

Георгий Петракович

У меня сложилось впечатление, что, как ни странно, и наша академическая наука, и академическая наука всех иных стран не имеют чёткого представления об электричестве. Даже больше скажу – *имеют неправильное представление о нём*, и я постараюсь это доказать.

Разберём первый пример. Вот генератор электрического тока подключён к потребителю тока. Вводный кабель обозначен знаком « - », а выводной кабель – знаком « + », и всё это означает, что электрический ток пребывает в процессе его потребления, а после потребления он, можно сказать, меняет свою «ориентацию», становясь положительно заряженным. Учёные утверждают это на полном серьёзе.

Но где же и когда этот ток стал положительно заряженным? Неужели во время его потребления? А какие тогда тому доказательства? Может, эту смену полюсов доказывает короткое замыкание, если, не дай Бог, случайно соединились провод, обозначенный знаком «минус», с проводом со знаком «плюс»?!

То же самое, по мнению соответствующих специалистов, происходит и с грозowymi облаками: молнии с громами возникают тогда, когда заряженное «+» зарядом грозвое облако «сомкнётся» («столкнётся») с облаком, имеющим отрицательный «-» электрический заряд. Или в таких разрядах с громами и молниями «виноваты» позитроны, наличие которых только предполагается? Но тогда пусть объяснят специалисты Фоме-неверующему, то есть мне, где хранятся эти позитроны, если они существуют на самом деле, и «вылетают» наружу, как сказочные черти из табакерки?!

А вот об электронах этого не скажешь. Известно, что электроны при ускорении в высокочастотном переменном

электромагнитном поле создают за счёт собственной энергии собственное электромагнитное поле, которое направлено на торможение электрона, в силу чего электрон теряет часть своей энергии («устаёт») и по этой причине выбрасывается из системы ускорения во внешнюю среду. Такой электрон может продержаться в системе ускорения лишь 10^{-8} секунды – одну стомиллионную долю секунды! Ничего себе!

Между прочим, подсчёт затраты электричества происходит по обычным электросчётчикам, а не по отрицательным и положительным зарядам и разрядам.

Другое дело, когда речь идёт о накопителях зарядов электричества, то есть об электронах, накопленных в батареях или аккумуляторах. В этих случаях действительно нужно обозначать «вход» и «выход» заряда электричества из батареи, которые для удобства пользования определены знаками $+$ и $-$, но это не значит, что мы «выпускаем» из батареи электроны, а получаем «взамен» позитроны. В батареях мы имеем дело только с электронами, но с большим или меньшим их электронным зарядом.

И ещё один интересный аспект, связанный с электронами. Речь идёт о ядре Земли, представляющий, по моему мнению, железный массив круглой формы из чистого железа диаметром 3500 километров, который, наподобие электромотора, «поглощая» электроны, исходящие из окружающих его радиоактивных веществ, вращает планету.

Углубляться в это дело не буду, поскольку я уже писал об этом в других своих работах. Скажу только одно: электроны из «двигателя» ядра Земли, после «употребления» никуда, будучи элементарными частицами, не исчезают, а могут только рассеиваться в окружающем пространстве или, что достоверней, скапливаться в виде «электронных облаков».

По моему мнению, в такие «электронные облака» в глубинах Земли и собираются «реки электронов», отработавших свою долю в электронном двигателе ядра Земли. Время от времени между такими «электронными облаками», имеющими разные по насыщенности электронные потенциалы, и

вспыхивают короткие замыкания, проявляющиеся на поверхности Земли в виде землетрясений с цунами или без них.

Если считать, что положительные заряды в природе электричества не существуют, то можно сказать, что ионы (например, Fe^{2+} или Fe^{3+}), имеющие, как принято считать, положительные заряды, имеют на самом деле в зарядах атомов только разное количество электронов, «захваченных» атомами железа, как и другими ионами, но никак не положительные заряды.

Другое дело, когда речь идёт о хранителях электричества – аккумуляторах. В них ток действительно поступает по проводу к потребителям со знаком «минус», что соответствует знаку зарядов электронов. На выходе от потребителя токопроводящий провод имеет знак «плюс», но это не значит, что электрический ток в нём положительно заряжен, – просто он частично израсходован и от аккумулятора требуется «добавка» такого тока.

Из высказанного соображения следует, что не положительные заряды ионов атомов «тянутся» к отрицательно заряженным ионам или уходят «в никуда», как это утверждается в Физическом энциклопедическом словаре, а меньший отрицательный электрический заряд «тянется» к более высокому заряду. Или оба «тянутся» навстречу один другому.

Если такая моя версия верна, то Академической науке не позавидуешь: ей придётся признать, что *положительные электрические заряды в природе Земли не существуют, а существуют лишь отрицательные заряды в виде электронов в разных его количествах и объёмах.*

А такой пересмотр потребует изменений в научных взглядах на электричество, причём, прежде всего в таких фундаментальных науках, как физика и химия, а также в связанных с ними других разделах наук, например, в биологии и медицине.

Придётся и мне, автору работы «Продольные волны и земное тяготение» честно признать, что продольные волны, трактуемые мной как волны гравитации, несут в себе не положительные электрические заряды, а *отрицательные, и*

направлены они в сторону ядра Земли, как в сторону отрицательно заряженной гигантской грозовой тучи, что и создаёт гравитацию.

Кое-что дополню к сказанному. Для генерации вихревого мега-высокочастотного электромагнитного поля, открытого мной, достаточно железной (стальной) башни, врытой в землю, а значит, заземлённой. В этой башне непременно начнётся генерация вихревого мега-высокочастотного электромагнитного поля, которое распространяется сферически. Я полагаю, учёным специалистам не доставит труда сделать это излучение однонаправленным (может быть, с помощью когерентного лазерного луча?) и усиленным, чтобы энергия «не терялась бы на воздушном пути» в тысячи километров к источнику потребления этой энергии. Далее, уже на месте потребления, учёным необходимо найти способ преобразования этого вихревого мега-высокочастотного электромагнитного излучения в обычный электрический ток. Я думаю, что для настоящих учёных и те, и другие преобразования не составят особого труда.

А ещё лучше, я думаю, в целях безопасности и для более устойчивого и высокого эффекта изолировать железную башню от земли, поставив её на бетонную основу, а электричество (электроны) подавать на её изолированную вершину через мощные генераторы электрического тока. Тогда этот ток, преобразованный в железной башне в мега-высокочастотное электромагнитное поле, будет легче и без потерь транспортировать на дальние расстояния и преобразовывать его на месте «доставки» в обычный электрический ток.

Такая беспроводная и экономная доставка обычного («бытового») электрического тока позволит в нашей стране с её обширными зонами глухой тайги, тундры и даже заполярья существенно и качественно улучшить быт и труд аборигенов тех далёких краёв. А значит, улучшить и их экономическое, культурное и даже политическое существование и развитие. Мне этого очень хотелось бы, но такой вопрос решать не мне.

Г.Н. Петракович, Июнь 2012 года.

СОДЕРЖАНИЕ ЭРМ, Т. XVIII

Глава 1. Война и кусок хлеба	3
Глава 2. Война и Узбекистан	15
Глава 3. Война и станция Китаб	31
Глава 4. Москва и школа	42
Глава 5. Институт и хирургия	48
Глава 6. Моя наука	71
Приложения	
1. От редактора	96
2. Г. Петракович, М. Петракович. Ядро Земли, её ноосфера и планета Марс	100
3. Г. Петракович. Новое представление об электричестве	108

**ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ МЫСЛИ
ТОМ 18**

**Г.Н. Петракович. Моя судьба – человека, хирурга,
писателя, учёного**

Издательство Русского Физического Общества «Общественная польза»: 141002, Моск. обл., г. Мытищи, ул. Б. Шарাপовская, 3

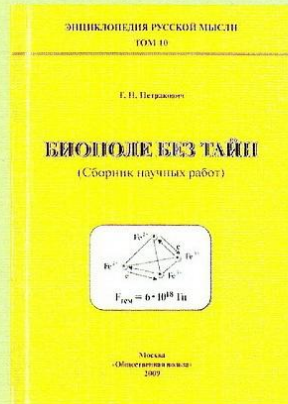
Сдано в набор 07.12.2012. Подписано в печать 16.12.2012. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. листов 7. Заказ № 7. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Типография Русского Физического Общества: 141300, Моск. обл., г. Сергиев Посад, ул. Кукуевская набережная, 6.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ МЫСЛИ
ТОМ 18

Георгий Петракович

МОЯ СУДЬБА –
ЧЕЛОВЕКА, ХИРУРГА,
ПИСАТЕЛЯ, УЧЁНОГО

Москва
«Общественная польза»
2012